

Ливонская
Мик ЛОВУШКА
Зандис

Желание нас сжигает,
власть – разрушает
Оноре Де Бальзак

BYBLOS

Мик Зандис

Ливонская ловушка

«Библос»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Зандис М.

Ливонская ловушка / М. Зандис — «Библос», 2019

ISBN 978-5-905641-71-8

1210 год... Год решающего сражения коренных народов Балтийского моря с германским орденом меченосцев за Ригу. Расправа с заманенным в ловушку германским кораблем меченосцев была безжалостной и кровавой, а добыча – богатой. Старейшина береговых пиратов Уго, срывая с груди знатного путешественника украшенный драгоценными камнями крест, даже вообразить не мог, какую роль может сыграть дорогая безделушка в дальнейшей судьбе Ливонии. Для укрепления союза ливов против завоевателей-крестоносцев, которые требуют не только податей, но и отказа от своих богов, старейшина должен жениться на красавице Лее – сестре вождя ливов. Но дома Уго уже ждет невеста, а в Лею влюблен лучший среди ливов лучник и изобретатель Иво. В это же время среди германцев плетутся интриги вокруг основателя Риги епископа Альберта... Автору удивительным образом удалось совместить расцвеченную легендами, древними обычаями, ритуалами, заговорами и нешуточными страстями героев ткань захватывающего с первых страниц повествования с глубочайшим художественным проникновением в реальные исторические события. Основанное на собранных по крупицам фактах, уникальное исследование этих событий делает роман интересным не только для любителей истории, но и для профессионалов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-905641-71-8

© Зандис М., 2019

© Библос, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	51
Глава 18	54
Глава 19	57
Глава 20	61
Глава 21	63
Глава 22	66
Глава 23	68
Глава 24	70
Глава 25	72
Глава 26	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Мик Зандис

Ливонская ловушка

Miks Zandis
LIVONIAN TRAP

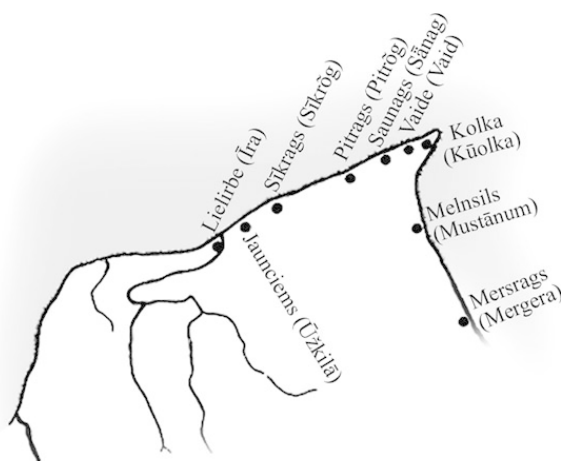
Данный перевод книги «Ливонская ловушка» печатается по соглашению с автором.

© Miks Zandis, 2019

© Helena Branch, коллаж на обложке, 2020.

© ООО «Библос», 2020.

* * *

Карта Ливонии XIII века. Рига и поселения «морских» ливов. На карте обозначены современные наименования географических названий Латвии, а в скобках – используемые в книге географические названия поселений Ливонии на языке ливов в XIII–XIV веках.

Глава 1

Мергера, апрель 1210 года

Бу-у, бу-уб-у, бу-бу...

Несколько мгновений Уго вслушивался в гулкие звуки сигнального рога, отделяя только что подаренные ему Матерью ночи сновидения от неумолимой яви. Звуки не умолкали. Означать они могли что угодно. Пожар, нападение волчьей стаи, нашествие врагов. В каждом из этих случаев любой житель деревни вскакивал как ужаленный, любое промедление могло быть смерти подобно. Однако размеренный тон звуков подсказывал, что это не знак немедленной опасности. Но тогда означать сигнал мог только одно.

Вздыхнув, он потянулся до хруста костей, широко распахнул глаза, чтобы уловить хоть какой-то проблеск света сквозь маленькое окошко, затянутое бычьим пузырем, но в темноте даже контуры окна улавливались с трудом. Он поднялся с застеленного шкурой кабана ложа, и под правой лопаткой кольнуло, словно в спину воткнулся шип. Старые раны давали о себе знать. Еще больше неприятностей приносили распухшие в коленях ноги, от чего в поселке страдали все мужчины, дожившие до его возраста. Как дань холодному Балтийскому морю.

Зима уступила место лету. Лед стоял, рыба приблизилась к берегам, и в благодарность женщины щедро поделились с Матерью моря пшеничными лепешками. Днем жители Мергеры, словно медведи из берлоги, выбирались из опостылевших за зиму домов наружу, чтобы погреться на солнце. В тайных лесных убежищах проснулись птицы и целыми днями воспевали приход тепла. Но по ночам холод еще брал свое. Уго, кряхтя, стал натягивать сапоги. Для него они были сапогами удачи, специально хранимыми для подобных случаев. Один сапог беспощадно жал в правой лодыжке, да кто обращает внимание на такие мелочи? Тем более, знал Уго, как только он приступит к настоящему мужскому делу, все боли, сомнения, неудобства исчезнут, словно сметенные порывом морского ветра.

По дому разносился топот торопливых ног.

– Отец, – крикнула младшая дочь Дана. – Ты проснулся? Тебе помочь?

– Себе научись помогать!

Голос Уго потеплел, настроение улучшилось. Дана росла девчушкой шустрой, с неугасимой энергией, голос ее звучал неумолкаемым колокольчиком, наполняя дом жизнью и весельем. Под стать ей был младший брат Лемо. А вот старший из сыновей, Зак, был не таким. Крупный, в отца, ловкий в движениях, многословием, как и положено настоящему мужчине, не отличался, в споры не лез, предпочитая отмалчиваться. В доме его почти не было слышно. Вот и сейчас он быстрой тенью, почти беззвучно, пронесся мимо и хлопнул наружной дверью. «А ведь мог бы и погодить, поинтересоваться, что задерживает отца», – вдруг с обидой подумал Уго.

Недовольно посапывая, Уго распахнул дверь. Хотя и снаружи было не намного светлее. Ни один всполох огня не раздирал темноту ночи, и ветер не приносил запаха гари. Вся деревня была уже на ногах. Люди возбужденно переговаривались, бежали к берегу.

– Кто долго спит, встает голодным, – крикнул, пробегая мимо, Имаутс. – Голодного можно накормить. Глупого умным не сделаешь, – отозвался на реплику старого друга Уго. Первым, самым горячим, достаются раны и слава. «Какой храбрый был воин» – скажут потом соседи, утешая вдову. А добыча достается тому, кто сохранит трезвую голову. Но это понимание приходит только с годами. Тем, кто эти годы проживет.

Все, даже женщины и дети постарше, были уже на высоком, заросшем соснами берегу и, ежась от холода, вглядывались в темноту. В его возрасте он мог бы позволить себе остаться с ними, но это было не в его правилах. Уважать старейшину должны не только за ум, возраст или

богатство. А силы в руках пока хватало. До сих пор он играючи поднимал ствол срубленного дерева, с которым едва справлялись двое мужчин, одной рукой выдергивал из воды тяжелую лодку. А однажды, на потеху сыновьям, поднял на плечи оседланную лошадь и вынес со своего двора. Ни один мужчина в деревне не мог по силе сравниться с Уго.

Отблески большого костра под песчаным обрывом мешали видеть лучше, но и без того в привычном месте, на фоне зарождающегося на дальнем краю моря рассвета, проглядывали скошенные контуры корабля и его беспомощно полощущегося паруса. По команде Уго ближайшие к огню люди быстро растащили костер, закидали тлеющие поленья песком. Под обрывом неподалеку от устья впадающей в море речушки собрались мужчины. Стояли молча. Так же, без лишних слов, подростки выводили из узкого устья реки несколько низкорбортных рыбацких лодок.

Уго, насколько позволяла темнота, вгляделся в лица окруживших его людей. Кажется, все были в сборе. Имаутс, Каже, Ассо, Зига, Варс – с каждым из них он участвовал во многих битвах, все они были могучими и непобедимыми воинами. Такими же должны были стать и их сыновья, стоящие рядом с отцами, в том числе его Зак. Одни из них уже с гордостью носили отметины прошедших сражений, другие еще с нетерпением ожидали своей очереди. К способностям последних Уго относился с опаской. Одно дело – кидать топор в ствол дерева или метать дротик в соломенное чучело под ликующие возгласы женщин и детей, и совсем другое – делать это в настоящей битве. Он быстро отобрал полтора десятка человек, остальным указал на лодки и неодобрительно покачал головой при виде огромного лука. Иво был знатный стрелок, это в Мергере знал каждый, но от сырости тетива размокнет и потеряет упругость, длинные плечи лука будут цепляться в узком пространстве за самые немыслимые препятствия и мешать остальным, а темнота в бою может сыграть с целью злую шутку.

– Помоги нам, Мать ветра, – наконец прошептал он и поднял голову к небу. Большую часть его, плотно перекрывая путь лунному свету, затягивали тяжелые рваные облака. Несколько мгновений Уго не отводил глаз от места, где за тучами пряталась путеводная звезда удачи, пока ему не показалось, что перед ним мелькнула белая искорка.

– Мать ветра с нами! – уже громче, чтобы ближайшие к нему воины могли услышать, сказал он, поворачиваясь к сидящему на мели кораблю, и махнул рукой. Тотчас первый из мужчин ступил в воду и словно растворился в ней. Убедившись, что лук Иво остался на берегу, Уго накинул на голову черную накидку, скрывающую в темноте ночи и оружие, и его самого, шагнул за очередным безмолвным воином на скрытую водой от неискушенного взгляда и выходящую далеко в море узкую каменистую грядку, пригнулся и сам стал похож на волну, медленно перетекающую в сторону корабля пришельцев.

Глава 2

Барон

Эрих фон Бред проснулся в приятном расположении духа. Ему приснился его племянник Фридрих. Королем Священной Римской империи его собирались провозгласить в двухлетнем возрасте, и, хотя положение юного наследника трона Германии и Римской империи до недавних пор было неясно, купцы из Бремена принесли в Ригу благую весть. Ныне шестнадцатилетний Фридрих в фаворе у самого Римского Папы Иннокентия III. И теперь, как хорошо понимал искушенный царедворец, несмотря на все семейные распри, племянника ожидает великое будущее. В котором и он, потомственный барон и дядя юного короля, пусть и по отдаленной женской линии, может сыграть значимую роль. Особенно после недавнего брака Фридриха с Констанцией Арагонской.

Он уже предвкушал будущую встречу в родовом замке Гогенштауфенов. Когда-то Констанция с удовольствием принимала его в своем будуаре в качестве германского посланника при дворе ее покойного мужа, венгерского императора Имре. Ох и славные времена это были! Десять лет назад он и сам блистал среди фрейлин императрицы, и острая на язык красавица Констанция не раз жаловала его своим вниманием. Интересно, как складываются ее отношения с Фридрихом, который ей в сыновья годится. А вот старую дружбу с посланником она вполне может вспомнить. Да и ему теперь до конца жизни хватит чего рассказывать и царственным особам, и любому из их высокого окружения об удивительных путешествиях и о великих подвигах в далекой Ливонии, в которой он огнем и мечом помогал епископу Альберту нести язычникам слово Господне.

Во сне Фридрих за верную службу жаловал его сказочным поместьем и украшенной изумрудами золотой бляхой на толстой серебряной цепи. Рука невольно потянулась к груди, на которой должно было располагаться бесценное украшение, и не обманулась. Ладонь кольнуло ребрами драгоценного металла, и он привычно пригладил кончиками пальцев увесистый дар. Пусть и не будущего императора Фридриха, а лишь новоявленного рижского магистра графа Фольквина, к коему послан он был для инспекции и вспомоществования бесценными советами, но и этот дар стоил того. В прямом и переносном смысле. Не говоря уже о покоившемся в трюме сундучке со скупленным за гроши драгоценным янтарем. Пусть большая часть и не принадлежала ему лично, но недаром же сказано: «Блажен, кто воздаст тебе воздаяние...» Разве это не о таких, как он, посланниках великих мира сего, носителей добрых вестей и славных сокровищ?

Он поежился от порыва сырого ветра и огляделся. После выхода двух кораблей из крепости Дюнамюнде погода была великолепной. Светило теплое весеннее солнце, дул попутный ветер. Но во второй половине дня горизонт сначала подернулся дымкой, а потом и вовсе исчез вместе со вторым кораблем, перевозящим возвращающихся в Германию пилигримов. Ветер стих, море окутал плотный туман. Корабль покачивало на мерной зыби, отголоске недавнего шторма. Кажется, под это убаюкивающее покачивание он и заснул. Сейчас его окружала полная тьма, но туман рассеивался, и над головой проблеснула первая звезда. Теперь-то шкипер, нескладный, словно весь сложенный из углов, и седой как лунь Гюнтер, найдет наконец нужный путь.

Словно в ответ на его мысли, большой четырехугольный парус заполоскало, затем наполнило ветром, просмоленные веревки натянулись, и почти сразу с высоко поднятой над водой носовой части корабля донесся крик:

– Вижу огонь!

Всмотревшись, он и сам заметил пляшущее на не очень, очевидно, высоком берегу пламя. Наверное, группка рыбаков готовит на костре еду после удачного улова. «Пламя надежды, – подумал он, – надежды на то, что первый день этого утомительного путешествия можно завершить удобным ночлегом на земной тверди, без изнуряющего покачивания, от которого к горлу то и дело подступает противная тошнота. Да и вкусить свежей рыбки было бы неплохо. Пожалуй, эту возможность стоило обсудить со шкипером».

– Гюнтер! – позвал он в уверенности, что кто-то из бодрствующих моряков или меченосцев услышит его и отыщет шкипера, и долго ждать ему не пришлось.

– Здесь я. Что прикажете? – глуховатый, с хрипотцой голос прозвучал у самого уха, заставив барона вздрогнуть. При всей своей нескладности шкипер умудрялся перемещаться по палубе незримо и неслышно, как призрак.

– Огонь на берегу – это хорошо, – философски изрек барон. – Может, это наши пилигримы выбрались на берег и дают нам знак. А берег-то чей? Где мы сейчас?

– Точно не скажу. – Шкипер почесал узловатыми пальцами затылок, с тоской посмотрел в сторону все отчетливей зримого огня. – Вряд ли это наши. Что-то их корабля не видать. Да что в такой темноте разберешь? Кажется, по этому берегу ливы живут. О больших поселениях не слыхивал, а деревни малые встречаются.

– Ливы? – он еще раз огляделся. Туман почти полностью рассеялся, ветер крепчал. Если так пойдет и дальше, вполне может разыгаться шторм. Куда от него спрятаться? Наверняка на втором корабле так и рассудили. Нашли себе убежище в устье речушки, которыми изобилуют здешние берега, и теперь пируют на тверди земной подобно тому, как недавно сам барон пировал в честь отъезда с магистром и его окружением, среди которого присутствовал и вождь ливов Каупо. Между тем вдалеке все отчетливей проступала темная полоска берега с призывно мерцающим огоньком. – Ливы нам союзники. Веди к огню.

Шкипер помялся, шмыгнул носом.

– Может, и союзники. Только про них разное говорят. Да и боязно в темноте как-то, лучше бы рассвета дожидаться. Недолго осталось.

Барон с отвращением уставился на шкипера. Не только морские вояжи, но и самих мореплавателей он недолюбливал. На берегу любая воля магистра или комтура выполнялась мгновенно, без вредных размышлений. Сомнения в битве – верный путь к поражению. Любое неповиновение наказывалось строго. Сам берег моря от строящейся крепости Дюнамюнде и далее на запад, насколько глаз хватало, тянулся плавной песчаной полосой. По пути в Ливонию в конце прошлого лета они уже останавливались на ночлег на пустынном берегу. Не доходя до берега, корабль наткнулся на песчаную мель, на берег выбирались кто на легкой лодке, кто пешком по грудь в воде, но в тот жаркий летний день это было даже в удовольствие. А при выходе на берег он своими глазами увидел сверкающий солнечный камень – янтарь, внутри которого на века застыл жук с хищно раскинутыми клешнями. Тогда же шкипер объяснил, что кроме песчаных мелей на побережье опасаться нечего. Сойти с мели, имея дюжину крепких рук, и вовсе не проблема. Да что мель! Если и встретится им при высадке языческая, наполненная янтарем и не обращенная еще в истинную веру деревушка, чего бы им не совершить под занавес похода еще один славный ратный подвиг во имя Христа! Каждый из меченосцев уже имеет папскую буллу о прощении грехов, каждый с Божьей помощью может один противостоять десятку язычников, что и доказывали пилигримы за год рыцарского послушания неоднократно. Да и новые трофеи будут совсем не лишними.

Между тем шкипер, правильно истолковав взгляд барона, потупился виновато, склонил голову.

– Извиняйте, это я так, по глупости нашей, слова поперед мыслей выскакивают. Эй! – закричал он, повернувшись к кормчему. – Правь на огонь!

Попутный, в сторону берега ветер усилился, парус загудел, по борту заструилась быстрая вода. Стало прохладней. Барон плотней закутался в медвежью полость и прикрыл глаза в попытке вернуть приятные видения. Но вместо них перед глазами почему-то вставал последний набег на взбунтовавшееся поселение эстов и женщина с распоротым животом, из которого крохотными кулачками грозил похожий на самого дьявола не успевший еще родиться ребенок. Не открывая глаз, барон потянулся к вшитому прямо в нательную рубаху пергаменту, но нащупать всепрощающую папскую буллу не успел: корабль содрогнулся, словно схваченный гигантской рукой, заскрежетал с отчетливым треском проламываемого дерева, накренился так, что барон слетел с насиженного ложа, больно ударившись головой об основание мачты.

– Эй, что там у вас? – закричал он, уже ощущая, как в груди нарастает тяжелое предчувствие неминуемой беды.

– Напоролись на что-то. Как бы течь в днище не открылась. Сейчас посмотрю, – отозвался шкипер.

В центре корабля защелкало огниво, засветился огонек фитиля в фонаре, и два моряка, открыв люк, скрылись с огнем в глубине трюма с припасами. Рассыпая проклятия в адрес нерадивого шкипера, барон с трудом утвердил ноги на перекошенной палубе и посмотрел в сторону долгожданного берега. Если костер и вправду развели пилигримы со второго корабля, они быстро придут на помощь, и в Германию можно будет добраться вместе с ними, пусть и в тесноте, а чертов шкипер пусть сам разбирается с починкой своей посуды. Если же корабля нет, а на берегу чужаки... Пламя костра вспыхнуло ярче и вдруг исчезло. Следом за ним, казалось, исчез и сам берег.

Глава 3

Битва

Высокий нос корабля украшала голова дракона с распахнутой пастью, словно, вынырнув из предрассветного сумрака, чудище собиралось проглотить любого встречного. Купцы редко раскошеливались на подобные украшения для кораблей. Легкой добычи ожидать не приходилось.

Из-за крена край борта ушел под воду, и низкие волны, наталкиваясь на препятствие, разбивались о склоненную им навстречу палубу, взлетали пенным кружевом. Мореплаватели упирались веслами и баграми в дно, пытаясь столкнуть корабль с отмели. Ни один из них не видел приближающихся по воде ливов.

Каменистая гряда была узкой, и передвигаться по ней можно было только поодиночке, осторожно оценивая каждый шаг, чтобы не свалиться в глубокую воду. Плеск волн о борт корабля заглушал звуки. Но преимущество твердой опоры под ногами превращалось одновременно и в основную трудность: вплотную приблизиться к кораблю по гряде могли лишь несколько человек. А стоило германцам вывесить за борт фонарь и осветить приближающихся, ливы были бы обречены.

Первым к кораблю подошел Ано. Снизу на фоне неба был хорошо виден силуэт моряка с длинными, стянутыми повязкой на лбу волосами. Сыпя проклятиями, он изо всех сил наседавал на шест. Шест скользнул с подводной опоры и больно ударил лива по ноге. Сдержав стон, Ано шагнул прямо под драконью пасть, переместился к борту, обращенному в сторону моря, освобождая место для следующего за ним по пятам отца, приготовил дротик и оглянулся. Имаутс одобрительно тронул его плечо и тоже приготовил оружие. Один за другим подтягивались остальные. Ано и Имаутсу пришлось выйти из-под скрывающего их сверху дракона. Теперь их было легко разглядеть с палубы корабля, если бы кому-то из его команды пришлось в голову посмотреть в сторону моря. Последним, сгибаясь так, что его грудь и лицо постоянно заливало волной, подошел Уго. Теперь все зависело от успешности первой атаки.

– Нам самим не справиться, – гортанно пролаял на германском языке один из моряков. – Пусть остальные помогут.

В ответ с палубы донесся недовольный ропот пилигримов. Уго взгляделся в сторону берега, туда, где в устье речушки прятались лодки, и скорее угадал, чем увидел, как к кораблю, далеко огибая подводную гряду, скользят быстрые тени. Вода, проникнув в сапоги, переняла на себя тепло ног и уже не морозила, как в первый момент, но теплая верхняя туника намочила, и холод быстро овладевал верхней частью тела, отзываясь в нем волной озноба. Или предвкушением близкого боя. Левой рукой Уго дважды шлепнул по спине ближайшего к нему воина, выждал мгновение и отвел руку с оружием назад.

Людей на палубе прибавилось, на некоторых из них были хорошо заметные в темноте белые плащи меченосцев. Пришедшие на помощь разбирали весла и шесты, негромко переругивались, кто-то из них уже тыкал, отыскивая опору, веслами в воду. Уго увиделдвигающийся в его сторону шест, перехватил древко левой рукой и дернул на себя. Одновременно правая рука метнула в пошатнувшегося от неожиданности германца дротик, а из горла старейшины вырвался боевой клич. В тот же миг из воды полетели другие дротики. Еще два смертельно раненных германца, выпустив шесты, рухнули в воду. Первым на склоненную к воде палубу прыгнул Ано, сразу обрушив топор на плечо ближайшего противника. Рука германца, не разжимая весла, полетела в воду, из плеча хлынул поток крови. Какое-то мгновение меченосец недоумевающе смотрел на исчезнувшую в морской пене руку, но без опоры тело уже летело

вдогонку за потерянной рукой, а из глотки поверженного воина неся отчаянный вопль боли, страха, гнева.

Не теряя времени, Ано рубанул следующего воина. Меченосец отшатнулся, и удар пришелся вскользь. Топорище разорвало белый плащ и часть находящейся под ней плоти, но и германец впечатал в грудь Ано комель тяжелого весла. Его товарищ, поверженный на палубу ударом вонзившегося в левое плечо дротика, вскочил на ноги, выхватил из ножен меч, взмахнул им и отсек голову Ано. Имаутс прыгнул на убийцу сына, тот выставил меч навстречу, но ничто уже не могло остановить летящий прямо в грудь топор. Еще один светловолосый германец попытался отбиться от наседающего на него Каже морским багром с заостренным концом, словно это было копьё, но тот, легко уклонившись от неловкого выпада, мощным ударом меча рассек тело противника почти до пояса.

Несколько меченосцев попытались организовать оборону в центре корабля у мачты. Один из них, искусно орудуя мечом, отбил летящий в него топор, ткнул хорошо отточенным лезвием нападавшего в живот. И тотчас два дротика с подлетевшей к борту лодки ливов воткнулись ему в спину.

Мать ветра раздвинула облака, и лунный свет озарил побоище. Хлынув на палубу, как морские волны, ливы добивали раненых или не успевших осознать, что происходит, обитателей корабля. Низкорослый моряк прислонился спиной к высокому борту корабля и поднял руки, но Ассо, не замедляя продвижения, наискосок рубанул его по шее. Уго пробежал по наклонной палубе в кормовую часть и едва не столкнулся с пожилым германцем. На голове его была меховая шляпа, из-под которой по плечам разметались длинные седые космы, на плечи накинута медвежья полость, рука сжимала опущенный меч – похоже, подслеповато всматривающийся в темноту германец еще не сообразил, что произошло, и принял Уго за одного из своих воинов. Понимание пришло к нему слишком поздно. Топор лива уже отсек руку с мечом, германец рванулся к борту – то ли в надежде избежать смерти, то ли, наоборот, предпочитая холодные объятия моря смерти от рук берегового пирата, – но Уго перехватил его одной рукой прямо во время прыжка и коротким ударом покончил с неудачливым беглецом. Склонившись над поверженным, лив с нескрываемым удовольствием оценил перепачканную кровью роскошную меховую накидку, искусно выделанный кожаный нагрудник и подвешенную на толстой серебряной цепи бляху. При свете луны украшающие ее камни блестели так, словно россыпь крохотных звезд переместилась прямо на грудь германца. Не теряя времени, Уго перевесил цепь с бляхой себе на шею, выпрямился и огляделся. Звуки короткой битвы уже затихли, слышны были лишь плеск воды и голоса разбирающих добычу ливов.

Пленных в деревне не брали.

Глава 4

Бремен, май 1210 года

– Эй, хозяин! подай мне еще эля, – позвал Иоганн. И указал на двух льнувших к нему девиц. – И этим двум красавицам тоже.

Хозяин келлера, невысокий одутловатый мужчина с коротко стриженной седой бородой и хорошо очерченным брюшком, подошел к изрезанному ножами деревянному столу, за которым разместилась веселая компания, и протянул к Иоганну мясистую руку.

– Два пфеннига.

– Я сказал – эля!

– Я слышал, – спокойно подтвердил хозяин. – Но мое заведение больше не наливает в долг.

– О каком долге ты говоришь, – и без того красное от выпитого лицо Иоганна стало наливаться краской еще больше, от возмущения он привстал со своего места. – Я дал тебе в залог золотое кольцо от лучшего кельнского ювелира!

– Ваше кольцо оказалось фальшивкой, – невозмутимо ответил хозяин келлера. – Вот оно. Сам уважаемый мастер Гринберг проверил его. Оно сделано из меди и не стоит ломаного геллера. Расплатитесь со мной, и я вновь с удовольствием буду к вашим услугам.

– Вот как? Ты, плебей, смеешь прилюдно обвинять меня, потомка самого Генриха Саксонского! Нет, вы видели? – Иоганн повернулся к своим спутницам, призывая их в свидетельницы. – Этот плебей! Пошли отсюда. И ноги моей больше не будет в этом гнусном заведении.

– Я бы попросил вас удержаться от оскорблений. Можете обходить мой келлер стороной, но сначала расплатитесь за выпитое вами и этими девицами, чтобы мне не пришлось просить подмоги у стражи.

Хозяин бросил кольцо в растекшуюся по столу лужицу эля и упер обе ладони в обширные бока, из-за которых выглядывали двое его подмастерьев. У одного из них, худого, но жилистого парня роста немалого, в руках была массивная скалка для раскатывания теста, второй, ростом поменьше, но пошире в плечах, любовно поглаживал увесистое полено.

– Что?! – взбешенный Иоганн выхватил скрытый полкой плаща длинный кинжал, похожий на короткий меч, и неловко взмахнул им. Кончик кинжала зацепил выпирающее брюшко хозяина келлера, и по его тунике поползло расширяющееся пятно крови. Посетители скудно освещенного погреба в предвкушении дальнейшего развития событий повскакивали с мест. Ближайшая пара бременских ремесленников, освобождая пространство, услужливо отодвинула тяжелую скамью, на которой только что сидели. Подмастерья нерешительно переглянулись и сделали шаг назад.

– Этот обманщик ранил меня! – закричал отступивший следом за ними хозяин. – Меня, вольного мастера Бремена! Стража! Эй, кто-нибудь, вызовите городскую стражу! Грета!

Маленькая и круглая, как плотно набитая торба, женщина выкатилась из задней комнаты и, всплеснув полными руками, кинулась к лестнице, ведущей из полуподвала на улицу. Бежать за помощью ей пришлось бы недолго – городская стража располагалась всего в нескольких шагах от келлера и с удовольствием откликалась на подобные вызовы. Грета уже ухватила за дверную ручку, когда дверь распахнулась сама, и в ее проеме на фоне угасающего неба возник человек в темном, ниспадающем до пят плаще. Дверь открывалась внутрь, и Грета, отшатнувшись, едва не упала с верхней ступеньки, но новый посетитель, мгновенно оценив обстановку, ухватил ее железной хваткой за предплечье.

– У вас взволнованный вид, дочь моя. Я слышал крики. Что на сей раз случилось в вашем богоугодном заведении?

Его негромкий голос был отчетливо слышен в каждом уголке келлера. Роста человек в плаще был невысокого, телосложением не выделялся, а на его моложаво гладком, мало приметательном лице выделялись разве что пытливые, горящие фанатичным светом глаза. Но во всем его облике было нечто такое, что делало почти незаметным стоящего за его спиной огромного монаха с тяжелым, окованным металлом посохом в руках. Вошедший неторопливо оглядел зал и остановил взгляд на Иоганне, по-прежнему с пьяной неуклюжестью размахивающем кинжалом.

– Ваше высокопреосвященство! – опознав вошедшего, Грета молитвенно сложила на обширной груди ладони, склонила на миг голову и вновь встрепенулась, словно клокочущая в ней неумная сила вырвала едва сдерживающую ее до сих пор пробку и выплеснулась в ничем неостановимом потоке слов. – Это вы! Как хорошо, что вы снизошли до нас, как вовремя!

– Просто преосвященство, – мягко остановил ее пришедший. Не надо преувеличений. Тщеславие – большой грех для слуги Господня. Чем ты так взволнована?

– Ваше высоко... То есть ваше преосвященство, – поправила женщина. – Это Божья воля привела вас к нам. Вы знаете, что мы самые законопослушные граждане Бремена и нашей церкви. И мы всегда с огромным уважением относимся ко всем нашим посетителям и никогда не просим лишнего. Мы понимаем, что кое-кто из наших гостей – исключительно по рассеянности – может прийти без денег и оставить в залог какую-нибудь вещицу. Мы верим людям! Но этот господин подsunул нам вместо оплаты медное кольцо под видом золотого! Он пил и развлекался с непотребными девицами, а потом отказался платить! И еще ранил кинжалом моего мужа, почтенного мастера Густава.

– Он сам наравался на мой кинжал. Это только царапина. И этот почтенный посмел обвинить меня, потомка самого Генриха Саксонского! – истерично выкрикнул Иоганн. Хмель понемногу выходил из его буйной головы, но язык все еще с трудом вытаскивал наружу нужные слова. – Я не знаю, о чем говорит эта женщина. Она сама могла подменить кольцо!

– Что?! Подменить? Я? Да кто в Бремене не знает, как вы обманули уважаемую фрау Фриду, когда...

– Стойте, дети мои, – остановил разгорающуюся перепалку голос клирика. – Уверен, мы вполне можем уладить эту ситуацию миром, как и подобает добрым христианам.

– Мы добрые христиане, уж поверьте...

Клирик поднял руку, и женщина склонила голову.

– Я знал отца этого несчастного юноши. Он из достойного семейства и сполна возместит вам ущерб. У тебя действительно глубокая рана?

Чтобы получше рассмотреть ранение, хозяин келлера приподнял край туники и освободил клапан панталон, открыв выпуклый, как у женщины на сносях, волосатый живот, свисающий над непропорционально тонкими ногами. Центр живота пересекала длинная царапина, из которой медленно сочилась кровь, оставляя на коже грязные разводы. Мастер Густав послушно палец, осторожно провел им по царапине и только тогда понял, что выставляет на всеобщее обозрение свое непотребство. Да еще перед высокопоставленным священнослужителем! Поспешно опустив подол, он сконфуженно склонил голову.

– Я, наверное, переживу это ранение, ваше высокопреосвященство. Но одежда моя порвана. И долг этого господина...

– Наверняка может быть покрыт, – заключил за него клирик. – Ты сказал...

– Два пфеннига плюс два за тунику и панталоны, ваше высокопреосвященство. А еще моя рана.

– Я заплачу тебе золотой солид. Брат Карл, – клирик повернулся к стоящему за его спиной монаху, – дай этому уважаемому христианину солид.

– Но...

– А мы с этим молодым человеком, невольно нанесшим восполняемый вам сейчас урон, пройдемся. Думаю, свежий воздух пойдет ему на пользу.

Никто из посетителей и заметить не успел, как золотая монета перекочевала в руки хозяина келлера, а кинжал Иоганна оказался в руках монаха, подхватившего молодого повесу, даже не пытающегося противиться стальной хватке верзилы в монашеской рясе, после чего возглавляемая клириком процессия направилась к выходу.

– Вы заберете этого негодяя к себе в Ливонию! – с пьяной прозорливостью выкрикнул им в спину один из посетителей.

Монах с Иоганном уже выходили в скрипучую дверь, но Альберт, в прошлом каноник Бременского собора, а ныне епископ Ливонский, остановился на верхней ступеньке и повернулся к посетителям келлера. Его правая, вытянутая вперед рука сжимала витую ручку епископского посоха.

– Господь учит нас: не судите, да не судимы будете. Дьявол постоянно испытывает нашу веру коварными соблазнами. Но Всевышний не отвергает ни одного из своих детей. Вы спросили про Ливонию. Что ж, я отвечу. Эта земля не только велика, обширна и богата драгоценным янтарем, тучными нивами и скотом. Кто-то из пилигримов собирается в дальний путь с мыслями об обогащении. Да, это правда, что многие рыцари становятся в Ливонии владельцами угодий и замков, а простолюдины – зажиточными бюргерами. Кто-то ищет воинской славы – и она действительно приходит к ним в битвах с язычниками. Да, среди ваших сограждан, отправляющихся со мной на богоугодное дело, имеются грешники, ищущие спасения за свои деяния. И каждый христианский пилигрим, после послушания в Ливонии, может, согласно дарованной нам папской булле, раз и навсегда избавиться от всех прошлых грехов.

Одинокая муха, пытаясь выбраться из лужицы пролитого на стол эля, недовольно загудела. Сидящий за столом мастеровой прихлопнул ее ладонью. Больше ни один звук не тревожил повисшую в келлере тишину. Епископ взгляделся в лица слушателей и продолжил. Теперь голос его звучал торжественно и звонко, как на проповеди в храме Господнем.

– Помните, дети мои. Звон золота пустой звук. Богатство приходит и уходит. Не к нему призываю я вас. Главная наша цель совсем в другом. Ливония населена язычниками, не ведающими, что творят. Наша благородная миссия наставить их на путь истинный, донести до них слово Божье, наполнить сердца благодатью и спасти заблудшие души, сделать их бессмертными, как у любого доброго христианина.

– И любой может присоединиться к вам? – выкрикнул мастеровой, первым освободивший место для предполагаемой, но так и не состоявшейся схватки.

Губы Альберта тронула едва заметная улыбка.

– Любой христианин, способный словом и делом помочь святой миссии. Наши корабли отходят завтра на рассвете, и на них еще есть свободные места.

Глава 5

Добыча

Сначала на берег вынесли добычу. Женщины и дети на песчаном пляже восторженными возгласами встречали каждый новый предмет. Ассо вышел с пустыми руками, и на него никто не обратил внимания, словно того и не было. Из правого предплечья у него сочилась кровь, и он зажимал рану левой рукой. Его покачивало от слабости, в груди что-то kloкотало, наружу рвался тяжелый кашель. Он присел на ствол поваленной сосны, одним рывком отодрал полосу от своей пропахшей потом туники и кое-как замотал рану. В деревне его не любили из-за угрюмого характера, да и он взамен не жаловал никого. Жил Ассо один. Несмотря на далеко не юный возраст и крепкую статью, еще ни одна женщина не входила в его дом. Сейчас ему хотелось одного: добраться до своего жилища и завалиться спать. Но сначала надо было дождаться своей доли добычи.

Пожива оказалась стоящей. Груз из быстро заполняющегося водой трюма перетаскивали в лодки. На песок свалили деревянные щиты меченосцев с набитыми поверх их плоскости металлическими бляхами, мечи, теплые накидки, скроенные из медвежьих и волчьих шкур, цепочки, сундучок с блестящими монетами. И еще один сундучок, доверху забитый кусками необработанного янтаря. Отдельной кучей скинули ненавистные белые плащи меченосцев. Они были скроены из прочной грубой ткани, которая могла бы пригодиться в любом хозяйстве, но ливы лишь с отвращением пинали их ногами или вытирали о них подошвы. Всем плащам предстояло сгореть в жарком пламени костра. Потом пошли сапоги. За время схватки кожа успела намокнуть, стянуть их с ног германцев было невозможно, да и времени на это не оставалось. В любой момент мог разыграться шторм или могли появиться другие корабли, тело в холодной воде застывало быстрее, чем выветривался жар недавней схватки. С германцев сдирали одежду, отрубали ноги и кидали в лодки, в общую кучу поживы, чтобы потом вместе с сапогами развесить на прибрежных соснах для просушки. Вскоре с лодок выгрузили бочонки с элем, с солониной, медом, несколько живых куриц, затем пришла очередь большого паруса, весел и даже тяжелой мачты. Постепенно от ободранного корабля остался лишь все менее заметный остов.

Потом гомон на берегу стих. Первым шел Имаутс. Чем ближе он подходил, тем видней становилось свисающее с его плеч тело сына. Скошенная набок голова Ано при каждом шаге билась о спину отца. Следом сразу двое несли тяжелое тело Ваде. Казалось, что из его тела свисают веревки. И только возле костра стало ясно, что это по земле тянутся вывалившиеся из рассеченного живота кишки. Мика, удачливый глава самого большого в деревне семейства, был еще жив. Но одного вида страшной раны на его голове было достаточно, чтобы понять — дни старого воина сочтены.

Первой заголосила молодая жена Ано.

Глава 6

Легенда о Гуно

День начался поздно. После ночного дежурья добычи еще долго над домами участников схватки курились дымки разогретых печей – жены и матери охаживали березовыми вениками задубевших от морской воды мужей и сыновей. Жар каменок быстро возвращал боевой пыл в разогревающиеся тела, и немало будущих воинов было зачато в эту ночь. Солнце над головой почти не давало тени, когда первые женщины поселка выбрались из жилищ наружу, чтобы накормить недовольных отсрочкой животных и приготовить обильную еду для растративших столько сил в эту бурную ночь мужчин.

Не всех мергеровцев коснулась радость победы. Похороны и победу отмечали одновременно. Мертвых похоронили в глубоких ямах, точно сориентировав головами на Северную звезду, чтобы они не ошиблись, выбирая дальнейший путь в царство ночи. Каждому в дальнюю дорогу положили по мешочку с мукой, по куску вяленого мяса. Грудь накрыли щитом, к правой руке приложили меч, к левой – копье. Жены, матери и сестры павших воинов, распустив волосы, сидели над могилами и заунывно тянули погребальную песню. Трое суток будет звучать она над домами ливов. Никто не будет забыт. Каждый подвиг погибших, каждое их деяние будет помянуто соплеменниками. В центре поселка разожгли огромный костер. К вечеру женщины в больших котлах приготовили общую еду из запасов германцев, добавив к ней тушу добытого накануне вепря. Мужчины собрались отдельным кругом. Напиток германцев оказался забористым. Уго, по праву старейшины, первым сделал большой глоток и передал трофейный кубок Имаутсу. Лицо его старого друга было морщинистым, как кора старого дуба, тяжелые веки почти полностью скрывали глаза.

– Выпей за Ано. Он был отважный воин и хороший сын. Никто не бросал топор так точно, как он. Пусть там, за морем, его лодка всегда будет полна добычи.

Имаутс сделал большой глоток, передал кубок дальше, и его плечи опустились еще больше.

– У меня было три сына. Ано оставался последним. Почему бог смерти призвал его, а не меня? С кем теперь будет коротать ночь его жена? Кто принесет ей рыбу к столу?

Уго посмотрел на окружающих их мужчин. Старше всех в деревне был Эгил, но силы давно покинули его когда-то могучее тело. Пожалуй, только он сам, да еще Уго и Имаутс помнили об этом. Сейчас немощный Эгил сидел в дальнем конце, ежась от холода в свисающей с его костлявых плеч старой, почти полностью потерявшей мех шкуре, накинутой поверх льняной рубахи, и с робкой надеждой смотрел на медленно передаваемый из рук в руки кубок. В набегах он давно не участвовал, и из общей добычи ему доставались жалкие крохи. Рядом с ним, выбрав самое неприметное место, примостился Ассо. Его тело по-прежнему сотрясал кашель. Даже баня не смогла унять глубоко засевший в теле озноб, а замотанная льняными полосами рана от жара разболелась еще сильнее и извергла из себя новый поток крови. Чтобы согреться, Ассо нахлобучил на себя сразу две шкуры и походил на большого волосатого зверя.

Все взрослые мужчины имели жен и детей. Обычно жен брали из соседних деревень, но и там с мужчинами было не лучше. Отмель на Куолке была самой коварной, застигнутые ночью корабли попадали в ловушку чаще, чем здесь, в Мергере, и мужчин куолковцы теряли чаще. Кто возьмет на себя заботу о семьях, потерявших кормильцев? Да что кормильцев... У Уго и самого после смерти жены хозяйство стало приходить в упадок. Голодным, конечно, никто спать не ложился, но дети забывали подоить коров, и те начинали надсадно реветь, требуя внимания, цветы перед домом увядали, огород зарастал сорняками. Как покойная Мата успевала уследить за всем так, что и дом сверкал чистотой, и дети выглядели нарядней всех в поселке?

Он живо представил покойную жену, словно она стояла рядом. Не ту, сильно располневшую и потерявшую интерес к жизни, какой она стала перед тем, как Мать ночи призвала ее к себе, а улыбчивую и работающую, с мягким и горячим телом, совсем... совсем, как у Евы.

Мысли о Еве, муж которой год назад ушел на лодке в море и не вернулся, оставив вдову с двумя малыми детьми, в последнее время посещали его все чаще. С тех пор, наверное, как он, сам уже вдовец, зашел прошедшим летом к ней в дом, чтобы утешить оставшуюся без мужа женщину и сказать, что община позаботится о ней. Рыдая, она припала к его груди. Успокаивая женщину, он гладил ее полные, едва прикрытые одеждой плечи и внезапно ощутил остро вспыхнувшее желание. В тот миг она испуганно отстранилась, и он, непривычно смущенный, поспешно покинул ее. Дом Евы стоял напротив его усадьбы, и дня не проходило, чтобы они не перекинулись парой слов. Он охотно откликался на ее просьбы по хозяйству, когда ей требовалось помочь в чем-то, не подвластном женской силе. По вечерам его воспоминания о Мате все больше смешивались с памятью о горячем, ищущем утешения теле Евы, которой он вот-вот, в самый длинный день лета предложит стать новой хозяйкой его дома. Особенно после сегодняшней ночи, когда...

– Скоро ярмарка в Ире, – словно устыдившись собственных мыслей, сказал он.

– Не до праздника мне сейчас.

– Мне тоже. Летом дел много, а людей мало.

– Мало, – согласился Имаутс. – С каждым годом все меньше.

– Из Ире людей к нам позвать можно, дома пустые стоят.

– Везде так. Кто к нам пойдет?

– Не везде. За Куолкой меченосцы наших не трогают. Пока не трогают. Там мужчин много. Если они к нам не придут, германцы или курши сначала нас перебьют, потом и до них доберутся.

– Курши к нам не лезут.

– Сейчас не лезут. А дети Эгила где легли?

Как и прежде, понимал Уго, возбуждение от недавнего боя еще долго будет будоражить кровь жителей Мергеры. Женщины будут хвастаться добытыми их мужьями трофеями, дети разыгрывать воображаемые схватки. Каждый эпизод ночного боя обрастет подробностями, превратится в легенды. Сердце его переполняла гордость. Воинов осталось мало, это верно, зато каких! Да и разве мало подрастет им в помощь и на смену сыновей? Взять того же Зака. Или Иво. Такого стрелка из лука, как он, не найдешь ни в одном поселении ливов. Пусть в последней схватке ему не удалось проявить мастерство, таких возможностей в его жизни еще будет не счесть. Так же, как и для остальных молодых мергеровцев. Многие из них уже славно проявили себя в ночной битве. Еще недавно они носились с другими подростками, которые сейчас завистливо разглядывают недавних товарищей по играм. Когда-то он и сам так же с горячим нетерпением ожидал, когда придет его время, и оно пришло, да не пришло, а промчалось северным вихрем, почти никого не оставив из его дружной ватаги. А ведь какие парни были! Вспомнить хотя бы лихой поход за невестами ни куда-нибудь, в сам Икскюль! Наверное, невесты водятся там и сейчас, да только путь в Икскюль местным ливам теперь заказан. Старейшина Каупо перешел на сторону германцев, и не стало у ливов худшего врага, чем их соплеменник. Если бы такое случилось во времена Гуно...

– Ты сказал Гуно? – переспросил Имаутс.

– Гуно? Разве я...

– Ты так сказал.

– Мы тоже слышали, – подтвердила невеста откуда появившаяся рядом Дана. С ней были две ее закадычные подруги. Девочки изо всех сил копировали девушек на выданье, и сегодня им это удалось особенно отчетливо. В их волосы были тщательно вплетены украшенные мед-

ными монетами шерстяные косички, при каждом повороте головы монеты сталкивались и звенели, вызывая у девочек неудержимый смех. Как пройдешь мимо такой невесты!

– Ты сказал Гуно! Расскажи нам про Гуно!

– Да ведь я недавно рассказывал, ты что, забыла? В одно ухо влетело – в другое вылетело? – попытался отбиться Уго, уже понимая, что уступит. Как не уступить любимой дочери, с которой он столько времени проводил долгими зимними вечерами, и всегда она с неумной жадностью впитывала каждое его слово. Придет, ох, скоро придет время, когда, подобно старшей дочери Салме, уйдет она с женихом в какую-то из дальних деревень, а пока...

– Ну пожалуйста!

Привлеченные ее голосом, дети и подростки, а следом за ними и взрослые уже сомкнулись вокруг Уго в плотное нетерпеливое кольцо, и он умиротворяюще поднял руки.

– В то время море и реки были полны рыбы, а леса – дичи. На каждой реке, по всем берегам на юг и на север жили ливы, и даже в самой малой и дальней деревне слышали о Гуно. Он был на две головы выше всех, и его глаза, синие, как наше море, видели до самого края земли. Ноги Гуно могли обогнать любого коня, и не было на земле тяжести, которую не подняли бы его руки. О его силе и отваге слышали и курши, и земгалы, и кривичи. От одного его имени они дрожали, как осенние листья, и если приходили на земли ливов, то только с товаром. С каждой охоты Гуно приносил домой оленя или вепря. Его лодка приходила к берегу наполненной рыбой до самых бортов, и даже самый ленивый житель его деревни ложился спать, поглаживая сытый живот. Самые красивые девушки с широкими бедрами и крепкими руками мечтали, что он выберет одну из них в жены, чтобы нарожать ему детей – таких же высоких, сильных и удачливых.

Уго сделал паузу и оглядел собравшихся. Имаутс и несколько самых почтенных мергеровцев сидели на бревне, мужчины и подростки стояли за их спинами. Отдельной группой собрались женщины, которым не пришлось участвовать в отпевании усопших. Лица соплеменников освещало пламя пляшущего рядом костра, отчего глаза их мерцали, словно звезды в высоком небе. Много раз рассказывал он эту историю, которую слышал от своего отца, а тот от своего отца или деда, и с каждым разом в его рассказе что-то почти неуловимо менялось, словно он вспоминал упущенные ранее подробности или видел прошлое отчетливей и отчетливей.

– Однажды к деревне, где жил Гуно, пришли чужие корабли с головами драконов на носу. Их было – как пальцев на руках. На кораблях не было товара для торговли, только одетые в шкуры свирепые викинги. Они хотели убить наших мужчин и детей, забрать наших женщин и поселиться в наших домах.

– Смерть им! – возбужденно выкрикнул один из подростков, и нестройные голоса подхватили этот возглас. – Смерть им! Смерть им!

Уго подождал, пока стихнут голоса и продолжил:

– Гуно на рыбацкой лодке вышел в море навстречу викингам. Потом он повернул назад и повел лодку обратно к берегу, будто убегая. Викинги помчались следом. Не ведали они, что Гуно помогают сами Мать моря и Мать ветра. Они наполнили паруса викингов ветром и подняли волну, на вершине которой сидела златовласая девушка. Она поманила Гуно за собой. Волна перенесла его маленькую лодку через подводную гряду, а корабли влетели прямо на камни и разбились. Но многим викингам удалось добраться до берега. Мужчины сражались с врагом прямо в воде, и рядом с ними становились женщины и подростки. И везде, где викинги начинали одолевать, появлялся Гуно. Одним ударом копья он пронзал сразу двух врагов, а его меч сверкал ярче молнии. Три дня продолжалось сражение. Даже дикие звери в страхе убежали в дальние леса, а рыбы ушли далеко от берега. Вода в море стала красной от крови. Так продолжалось, пока все викинги не легли в битве. И только одному их кораблю удалось уйти и унести с собой весть о храбрости ливов и их предводителе Гуно. Ни один из них потом не осмелился появиться у наших берегов вновь.

Уго помолчал, словно внимательней вглядываясь в события далекого прошлого, и привычно провел ладонью по груди, по тому месту, где под одеждой прятался глубокий шрам, полученный в сражении много лет назад. В том сражении, после которого Уго выбрали старейшиной, тоже полегло немало мужчин из их когда-то самой людной деревни. Где они сейчас? Никому еще не удавалось вернуться из царства мертвых.

– Потом настали трудные времена, – продолжил он. – Лучшие рыбаки и охотники ушли к Матери ночи. Дома опустели. Звери и рыбы не хотели возвращаться в родные места. У многих женщин не осталось мужей и нечем было кормить детей. Из всех взрослых мужчин только Гуно оставался без жены. И он уже не носился на горячем коне вместе с другими молодыми мужчинами, не пел песен у племенного костра. Никто не знал, что за печаль одолевала его. Но когда подошло летнее солнцестояние, его отец сказал: «Иди и без жены не возвращайся». И тогда Гуно отправился за невестой в Куолку. Ранним утром после самой короткой летней ночи добрался он до пустынного берега и присел на песок у края воды, чтобы дожидаться совета от Матери ветра. Но воздух был тих, ни один лепесток не колебался на прибрежных кустах, ни одна волна не искажала застывшую воду. И вдруг в море, прямо на солнечной дорожке, появилось стадо синих коров. Их вели красивые златовласые девушки. На голове первой из них, высокой, с широкими бедрами и большой грудью, светился веночек из желтых цветов. Гуно посмотрел и уже не мог оторвать от нее взгляда. Это была та самая девушка, которая вела его лодку в день великой битвы с викингами. Коровы вышли на берег и стали щипать траву, а морские пришельцы пели песни. Девушка с желтым венком подошла к Гуно и протянула ему руку. «Хочешь пойти со мной», – спросила она. «Нет, – ответил он, – я хочу взять тебя в жены и вернуться в деревню вместе с тобой. У нас осталось мало мужчин. Кто будет кормить женщин, кто поможет детям вырасти?» «У тебя доброе сердце, – рассмеялась она. – Не волнуйся. Пойдем к моей матери – Матери моря и попросим, чтобы она отпустила меня к тебе. А за свою деревню не беспокойся». Она взяла Гуно за руку и повела за собой в море. Следом, подгоняя стадо, потянулись другие девушки. Но одна синяя корова осталась на берегу. Она шла по кромке воды, пока не оказалась в деревне Гуно. Ее вымя было полно молока, и на следующий день она родила двух телят. Деревня была спасена. Телята выросли и дали новое потомство. Дети пили молоко синих коров и быстро росли, чтобы прийти на смену погибшим в бою отцам. Нигде больше нет таких коров. Говорят, по ночам, в день летнего солнцестояния, жена Гуно выходит на берег и пересчитывает стадо.

– А Гуно? – робко спросила одна из слушательниц, молодая девушка, дочь Зига, которую в предстоящую ночь летнего солнцестояния должен будет выбрать мужчина из соседней деревни. – Почему он не вернулся с женой? Он больше не появляется? Совсем-совсем?

– Кто знает. Может быть, время еще не пришло, – неопределенно ответил Уго и поднялся с насиженного места.

Глава 7

Иво

Ночной бой не принес Иво славы или знатной добычи. Три дня он опускал лук с новой тетивой из бычьих жил в воду, сначала накоротко, а затем все дольше и дольше, и после каждого раза стрела ложилась точно в цель, нарисованную на стволе старого дуба. Да что дуба – во время испытаний, когда небо, как плащом, накрыло лес ночным сумраком, и он закончил стрельбу по мишени и собирал стрелы, на поляну выплянула крупная косуля. Ее тело сливалось с молодым ельником, и животное выдавал лишь слабый шорох и отблеск луны в широко распахнутых глазах. Но и этого хватило Иво, чтобы точно поразить цель. Долгие дни прошли после этого в ожидании, когда сможет он проявить свое мастерство в настоящем мужском деле. Мать ночи одарила его особым зрением, позволяющим проникать взору в непроницаемую для других людей тьму. Иногда ему казалось, что его дар гораздо больше, что он может видеть и даже предвидеть мысли и помыслы окружающих его людей. Но перед боем старейшина даже не захотел выслушать его пояснений и вообще запретил брать с собой лук. А что можно сделать с дротиком или мечом, с которыми он не всегда в ладах? К тому же, карабкаясь на борт, он поскользнулся, упал в студеную воду, потерял меч и едва не утонул, если бы не помощь верного друга Зака. А когда он, мокрый насквозь и ооченевший от холода, забрался наконец на корабль германцев, бой был завершен, и встретившие его насмешками воины занимались сбором трофеев.

– Пойдем к девушкам, – позвал его Зак. – Оплакивать ушедших – удел женщин.

– Ано был моим другом, – ответил он. – Тебе не понять.

– Он был моим другом тоже. Мы вместе охотились на кабанов и птиц. Вместе учились кидать дротики и сражаться на мечах. Вместе с ним мы собирались пойти летом за невестами. Мне жаль, что он ушел, не меньше, чем тебе. И я горжусь, что был его другом. Ано ушел героем. О нем будут петь песни. Я сам хотел бы быть на его месте.

– Я видел, как он погиб, – сказал Иво. – Как он будет охотиться в царстве ночи с отрубленной головой? Мой дротик пролетел мимо убившего его германца. Если бы у меня был лук, женщинам не пришлось бы петь песен об Ано, и он был бы сейчас среди нас. Но твой отец не позволил мне взять лук в бой.

– Он думал, что тетива намокнет, и лук будет бесполезным.

– Только не мой! – возразил Иво. – У меня особая тетива, она не боится воды.

– И он опасался, что в темноте ты не отличишь своих от врагов.

– Только не я! – вновь воскликнул Иво. – Я вижу в ночи не хуже совы. Все это знают.

– Ты можешь многое, – согласился Зак. – Но наши отцы и деды никогда не брали луки в ночной бой.

– Наши деды никогда не слышали об арбалетах. А ты помнишь, как на прошлогодней ярмарке иноземец поразил из арбалета цель на расстоянии двух полетов стрелы? Мы не можем и дальше сражаться, как раньше. Наши деды не смогли сохранить землю ливов. И с каждым днем нас становится меньше.

– Может быть, ты и прав. Я и сам иногда думаю, что...

– Ты должен думать! Ты станешь нашим старейшиной, когда уйдет твой отец, тебе надо будет решать, как жить дальше.

– Не скоро это будет. И вообще – может, это не я, а ты станешь старейшиной и к тебе будут приходить за советом. У тебя всегда находится, что сказать, а я так не умею. К тому же мой отец могуч и здоров. Он еще долго будет старейшиной Мергеры, – ответил Зак, и Иво показалось, что в голосе его друга проскользнула нотка сожаления.

– В этом-то вся беда, – едва слышно сказал он и уже громче добавил: – Пойдем, там, кажется, угощают.

Кубок трофейного германского пьянящего напитка, доставшийся Иво как участнику недавней битвы, кружил голову. Казалось, пусть его сейчас еще в один бой, и именно он, Иво, станет главным героем Мергеры, о котором, как о Гуно, рассказывают легенды или поют песни. И все девушки... Иво оглядел собравшихся у костра. Зак куда-то пропал. Неужели он ушел к себе домой, спать? Что-что, а поспать Зак любил. Стоило им присесть на лесной поляне или на песчаной дюне и помолчать о чем-то, как рядом с Иво раздавался мягкий, присвистывающий храп. Казалось, Зак засыпал раньше, чем закрывал глаза. И только Иво удавалось расшевелить могучего, в отца, увальня. Остальные парни, допущенные к последнему бою, толпились около старших, жадно впитывая от заслуженных воинов одобрительные слова. Поодаль носились подростки. Чуть дальше водили хоровод девушки. Одна из них, покружившись в центре хоровода, выскочила из круга, подошла к большой березе и прислонилась к ней лбом, чтобы охладить о ствол разгоряченную кожу. Узнав Зигму, Иво неслышными шагами переместился к противоположной стороне дерева и осторожно позвал:

– Эй, хочешь я покажу тебе то, чего не видел никто?

– Что? – вздрогнула она. – Это опять ты, Иво? Хватит дурить мне голову. Никто не видел того, чего просто нет! Лучше послушаем рассказ про Гуно.

Девушка упрямо мотнула головой, и вплетенные в волосы монеты рассыпались веселой трелью. Ее шею украшали три ожерелья: одно было составлено из разноцветных, покрытых цветной глазурью ракушек, второе – из разукрашенных кусочков кожи и третье – из затейливо изогнутой серебряной проволоки. Волосы на лбу стягивал кожаный обруч с искусно выдавленными узорами. На длинном платье из толстой шерсти были нашиты медные бляхи с вставленными в центр кусочками янтаря. В камнях плясали отблески костра, и они казались живыми. Зигма была первой красавицей в Мергере, и, когда она, покачивая крутыми бедрами, проходила по деревенской улице, все парни провожали ее восхищенными взорами. Но заговаривать с ней решались не многие. По обычаю, жених ее должен был быть из другого поселения, и Зигма ждала своего избранника. Но чужаки в Мергере в последнее время появлялись не часто.

– Разве ты не слышала эту историю раньше? Уго рассказывал ее уже много раз, и каждый раз она звучит по-другому. Может быть, он и про самого Гуно все придумал? – Иво расправил плечи и даже приподнялся на носки, чтобы выглядеть внушительней, под стать герою легенды. – Вот у меня все будет по-настоящему! Пойдем! Помнишь, как я учил тебя стрельбе из лука?

Иво протянул девушке руку, и Зигма чуть было не подала в ответ свою, но в последний момент отдернула ее назад, для пущей верности спрятав ладони за спиной.

– Тогда мы были детьми. Теперь я не могу ходить по вечерам с местными парнями, а ты должен привести себе жену из далеких краев. Из Куолки или Мустанума. Или из Ире. Говорят, там невест больше, чем листьев на дереве.

– На деревьях еще нет листьев. А самая красивая невеста уже расцвела в Мергере. Зачем ждать? – широко улыбнулся Иво. – Я готов пойти к твоему отцу прямо сейчас. Твой дом всегда будет полон дичи, и мои стрелы без промаха пронзают даже рыбу.

– Эй, перестань! – Зигма заливисто рассмеялась и отбежала на несколько шагов от костра в темноту ночи, едва не растворившись в ней. – Никто не стреляет в рыбу из лука. Если даже ты в нее попадешь, она уплывет вместе с твоей стрелой. И мой отец скажет тебе «нет». Это против наших обычаев.

Иво подошел ближе и, убедившись, что рядом никого нет, прошептал:

– Наши предки жили по обычаям. А весь мир вокруг менялся. Разве ты не заметила? Почему бы нам не попробовать по-другому? И никуда моя стрела с рыбой не денется. Я привязываю к ней бечеву и вытаскиваю рыбу из воды, как чайка-белоголовка. И с невестами бывают

исключения, ты же знаешь. Мать ночи может дать знак. Если провести правильный ритуал посвящения.

Зигма вновь рассмеялась и игриво толкнула его кулаком в живот. – А ты смешной. Откуда тебе знать о ритуалах? Женщины разбираются в таких вопросах лучше мужчин. И я не слышала о посвящениях и знаках Матери ночи.

– Потому что ты для этого еще слишком молода. А взрослые женщины держат это в тайне от девушек.

– Тайный ритуал? Ну и как же он проводится? – всем своим видом Зигма выражала крайнее недоверие, но в ее голосе пробивались нотки любопытства. В самую короткую ночь в году мать Зигмы действительно уходила с другими замужними женщинами поселка в потаенное место, чтобы совершить тайный обряд, и сколько бы сгорающая от любопытства дочь не расспрашивала об этом, та только загадочно улыбалась и отвечала, что расскажет об этом, когда придет время. – Откуда ты о нем узнал?

– О нем нельзя говорить вслух. Ты же знаешь, что ветер переносит наши слова в чужие уши. Он не слышит только тихий шепот. Подойди ближе, и я все расскажу тебе.

– Хорошо. – Они еще больше отодвинулись от костра и зашли за ближайшие деревья. Сполохи отдаленного огня едва отблескивали от украшений девушки, отчего ее глаза светились странным, неотвратимо притягивающим к себе светом. Зигма приблизилась так, что их тела почти касались друг друга, склонила к Иво голову и тоже прошептала: – Говори.

– Помни, то, что я тебе скажу, ты не должна рассказывать больше никому, даже лучшей подруге или своей матери, иначе Мать ночи поглотит тебя без остатка. Пообещай это мне.

– Обещаю, обещаю, – нетерпеливо подтвердила она. – Говори же.

– Скажи это при свидетелях. При этой березе – Мать деревьев слушает тебя.

– Хорошо. – Зигма провела рукой по шершавому стволу и прошептала:

– Мать береза, клянусь сохранить в тайне то, что поведует мне сейчас Иво.

Губы юноши почти касались уха Зигмы, и волосы девушки щекотали его нос.

– Слушай меня внимательно. Когда девушка и молодой воин, как мы с тобой, хотят стать мужем и женой, мужчина должен положить одну руку девушке сюда, – Иво обнял Зигму за талию и притянул ее податливое тело к себе вплотную, – и сюда. И сказать...

Его ладонь впервые в жизни ощутила под собой упругую девичью грудь, и все заготовленные слова умчались вдруг из его головы, словно вспугнутая неосторожным охотником птица.

– И сказать...

– Ну же!

– Сказать... – Голова Иво закружилась. Он провел губами по щеке девушки, дотянулся до ее распахнутых в немом вопросе губ, крепче сжал в ладони грудь и, чтобы не упасть, потянул Зигму к стволу березы-свидетельницы. Под его ногами предательски хрустнула ветка.

– Кто здесь? – испуганно отшатнулась Зигма.

– Никого. Это ветка. Не волнуйся, нас никто не видит.

Иво попытался удержать ее за талию, но девушка плотно вдавила в его грудь обе ладони и громко прошептала:

– Пусти!

– Но я собирался рассказать тебе...

– Пусти, я сказала. Или я скажу это громче. Так, чтобы услышал мой отец.

– Ты же сама хотела, чтобы я...

– Замолчи! Я поняла, какой ритуал ты мне хотел показать. Ты хотел мне сделать ребенка, вот твой ритуал!

– Нет! Я не хотел делать никакого ребенка. Ты мне действительно нравишься, и я подумал, что мы могли бы...

– Ты лгун, вот ты кто! Ты хотел мне показать то, чего нет. Ты говорил, что готов пойти к моему отцу, но не хочешь ребенка!

– Нет, я... Ты не так меня поняла.

– Я поняла тебя прекрасно. Ты как петух в курятнике. Ты не можешь спокойно пройти мимо ни одной девушки в Мергере. Не смей больше приближаться ко мне!

– Постой! Мы же были с тобой друзья! Я не понимаю. Какая муха вдруг тебя укусила?

– Никогда!

Глава 8

Наследство Ассо

Мать ночи пришла за Ассо в тишине. Точнее, тишина наступила после ее ухода. Ассо натужно кашлял, потом вдруг смолк, и только утром игравшие возле его дома дети заметили, что он неподвижно сидит на пороге своего дома, никак не реагируя на их обычные дразнилки. Такого от него не ожидал никто. Но и горевать по его уходу было некому.

Ассо жил не так и умер не вовремя. Только закончились отпевания погибших в схватке с викингами и раздел добычи, жители деревни занялись повседневными делами. Одни копались в огородах, другие мастерили товары к ярмарке в Ире, а тут на тебе, новые похороны.

Главы деревенских семей собрались в доме Ассо, и только теперь Уго сообразил, что он здесь впервые. Гостей Ассо не жаловал, сам ни к кому не заходил, к женщинам был равнодушен. Снаружи бревенчатый дом Ассо почти не отличался от жилища старейшины. Но внутри о сходстве говорить не приходилось. В доме покойного вдоль внутренних стен в стройную линию выстроились несколько богато отделанных медными накладками сундуков. Шкуры на лежанке выглядели так, словно только вчера были сняты с их лесных владельцев, и лежали не брошенными, а были аккуратно скручены в валики. На стенах, на деревянных приспособлениях висело боевое оружие: короткие и длинные мечи, топоры, дротики, лук со стрелами, круглые и треугольные щиты германцев. Один угол был отведен под праздничную и повседневную одежду. Ливы в изумлении разглядывали развешанные на стене амулеты, браслеты из кожи, металла, камней. Как и остальные мергеровцы, Ассо любил покрасоваться богатой одеждой, но большая часть из того, что хранилось в доме, никогда не появлялась на людях. И зачем одиночке, никогда не принимавшему гостей, было столько посуды – глиняной и металлической?

– Вот это да! – не сдержался Имаутс. – Женщины с ума сойдут.

– Не спеши. Он еще не ушел отсюда, – сурово поправил Уго.

– Это я так, к слову. Три дня ждать будем?

– Он умер от ран, полученных в последнем бою. Три дня отпевали остальных, а он был между ними и нами, выбирал, – рассудил Уго. – Ассо сделал свой выбор. Да и петь по нему некому. Сегодня похороним, завтра будем делить имущество по обычаям предков. Давай готовиться.

На подготовку к завтрашнему событию ушел целый день. Участие принимала вся деревня. Ассо похоронили, как полагается, чтобы и там, за морем, он не попал к чужакам, а оставался среди своих. Имущество его разделили на семь долей. Мужчины подолгу спорили, что должно войти в каждую из них и где их следует разместить. Для каждой доли определили наблюдателей из женщин, подростков и стариков. Утро ждали с нетерпением. С первыми лучами солнца груженный имуществом Ассо обоз выдвинулся из деревни. В заранее намеченных местах части имущества выгружались, там же оставались наблюдатели. Два десятка мужчин с самыми быстрыми лошадьми вызвались бороться за наследство Ассо.

Поначалу Уго собирался остаться со зрителями. Скачки уже не возбуждали его, как когда-то в молодости. Это он должен был дать сигнал к началу и встретить победителей. За первый раз, как настоящий мужчина, принял участие в бою, и теперь с полным правом мог принять участие в гонке. Но азарт подготовки захватил и Уго. До сих пор он не пропускал ни одной битвы и с честью выходил из каждой из них. Кто сказал, что старейшина сам не может участвовать в дележе наследства? Да еще такого, как у Ассо. Какой воин не хотел бы получить огромный двуручный меч с украшенной затейливой вязью рукоятью или металлический нагрудник германского рыцаря? А тщательно выделанная шкура медведя! А как бы порадовались новой посуде в доме его женщины. И будущая хозяйка Ева – пусть и она увидит, на

что он еще способен. Он и его конь Угунс. Он тщательно проверил кожаную сбрую, стремяна, седло, выбрал самую мягкую меховую подстилку под седло. Когда всадники собрались на песчаном берегу моря, Уго, благодаря огромному десятилетнему жеребцу, возвышался над ними на целую голову. Лошади, возбужденные не меньше всадников, голосисто ржали, становились на дыбы, рыли в нетерпении землю. Рядом с Уго норовистую, но стремительную кобылицу осаживал Зак. Что-то выкрикивали всадникам зрители. Даже Мать ветра ровным гулом наполнила о своем присутствии. Наконец, Имаутс, взявший на себя вместо старейшины обязанности распорядителя, вышел вперед, нагнулся и захватил ладонью горсть песка.

– Мать Земля! – зычно произнес он ожидаемые слова. – Мы отдали тебе отважного воина Ассо. Он жил не так, как все мы, и после него не осталось детей, которым он мог бы передать свою силу, ум и богатство. Но он был одним из нас. Так помоги тем, кто более всего будет достоин его наследства!

Раскрыв ладонь, он взмахнул рукой. Тонкой струйкой разлетелся по ветру песок, и в тот же миг тучи песка взметнулись под копытами могучих коней. Гонка началась единым широким потоком, но почти сразу всадники разбились на три группы и вытянулись в одну длинную линию. Мощный жеребец Уго оттеснил ближайших преследователей и вышел в первую группу, но впереди его скакали три других всадника. Путь предстоял долгий, и Уго сдерживал коня, приберегая его силы на рывок в нужный момент. Который раз участвовал он вместе с Угунсом в подобных гонках, и верный конь ни разу не подвел его. Впереди возле сундука и кое-какого другого скарба из наследства Ассо показались наблюдатели, приветствуя первого победителя, но группа Уго пронеслась мимо, не обращая внимания на этукую безделицу. Зато ведущий второй группы вылетел из седла, не дожидаясь полной остановки рыжего рысака, приземлился возле сундука и с победным криком «Мое!» властно наложил на него сразу две длани. Двоих идущих следом за ним всадников это заставило замешкаться, но идущий до этого в хвосте воспользовался моментом и пролетел мимо, во весь опор преследуя Уго.

Между тем тропа отклонилась от моря в глубь леса. Земля стала жестче, скорость выросла, звук копыт гулко разносился между деревьями, заставляя лесных зверей в ужасе разбегаться в разные стороны. Даже птицы, позабыв призывные весенние трели, замолкли в настоженном ожидании. Идти на обгон среди деревьев было слишком опасно. На небольшой прогалине появилась еще одна группа наблюдателей. Возле них в кучу были свалены орудия для обработки земли, лошадиная упряжь, лохани. И вновь ведущий отряд, охваченный азартом, пронесся мимо, оставляя добычу кому-то из оставшихся позади.

Тропа все еще отдалялась от моря, забирала вверх. Пять наград ожидали идущую впереди пятерку, но ценность каждой последующей была выше предыдущей. На одном из поворотов конь идущего за Уго всадника перепрыгнул куст, срезал угол и оказался впереди. Уго по-прежнему не спешил. Третья часть наследства ждала на покрытом травой пригорке. Здесь деревья больше не мешали, всадники вновь развернулись веером, Угунс рванулся вперед и на следующем сужении вошел в центр группы. За спиной Уго раздался победный клич. Первая пятерка умчалась вперед за четырьмя оставшимися наградами, и не верящий своему счастью ведущий второй группы стал новым обладателем сундука с накопленным Ассо в битвах и торговле добром.

Только теперь в первой пятерке поняли, что произошло. Умение считать было не самой сильной стороной мергеровцев, хотя загнуть пять пальцев на одной ладони мог каждый. Но размышлять об этом было некогда. Очередной сундук стоял в низине у ручья, бегущего в сторону моря и деревни, туда же вела и тропа. Идущий за Уго всадник точно оценил свои возможности. У ручья он натянул повод, и его конь взмыл на дыбы перед очередной наградой. Идущий первым Юло обернулся. Тропа в этом месте была шире, Уго и его сын скакали за ним бок о бок, перекрывая путь ближайшему преследователю. Рыжий мерин под Юло, измученный гонкой, дышал с прихрупом, недовольно дергал головой, его круп покрывал слой остро пахну-

щего пота. На новом взгорке с добычей, верно оценив обстановку, он направил коня прямо на стоящих у сундука людей. Женщины с визгом бросились прочь. Один из подростков замешкался, конь на всем скаку зацепил его крупом, и подросток полетел в кусты. Конь дернулся, и всадник слетел, больно ударившись о землю, но в ту же секунду вскочил на ноги и прыгнул на заслуженную награду.

Четыре первых всадника, предугадав маневр недавнего лидера, пролетели мимо, оставшаяся группа, пробираясь сквозь возникшую у ручья сумятицу, безнадежно потеряла драгоценные мгновения. Уго искоса взглянул на сына. Со временем из него мог получиться хороший старейшина деревни. Но сейчас лицо его покрывала не борода, а нежный юношеский пух. Когда он был ребенком, Уго не раз давал ему проявить силу или ловкость, охотно поддаваясь в играх или шуточных схватках, но время это давно прошло.

Впереди опять начиналось сужение тропы, ведущей прямо в Мергеру. Два главных приза ожидали всадников впереди. Глаза отца и сына встретились. Во взгляде Зака можно было увидеть и надежду, и вызов. Уго упрямо мотнул головой и склонился ниже к седлу. В тот же миг Угонс, реагируя на посыл седока, тремя огромными прыжками вышел вперед. Вперед и мимо предпоследнего сундука с посудой и амулетами. «Такое добро очень пригодится Заку, которому самое время подыскать себе невесту», – подумал Уго, посылая верного коня к последнему призу с набором боевого оружия и доспехов. Самую ценную добычу выложили прямо на деревенской площади, и возле нее лицом к всадникам застыла в ожидании толпа мергеровцев, из которых Уго сразу вычленил лицо стоявшей в первом ряду Евы.

– Хейя! – во весь голос вырвался из его груди победный клич, сливаясь с восторженным ревом толпы, и он резко, едва не вылетев из седла, осадил коня. И лишь соскользнув с коня у своей законной добычи, посмотрел назад и с изумлением увидел, что первым из преследователей, пришедших к финишу с пустыми руками, оказался Зак.

Глаза раздосадованного проигрышем сына были полны разочарования и обиды. Сердце Уго болезненно сжалось. Почему Зак не взял сундук с посудой? Ему хотелось подойти подбодрить сына, сказать, что, может быть, совсем скоро все накопленное Уго добро все равно достанется ему, но Зак уже скрылся за спинами ликующих, словно победу одержал лично каждый из них, мергеровцев.

Глава 9

Пилигримы в море

Три дня подряд коварный ветер, казалось, издевался над мореплавателями, вынуждая то опасно приближаться к скалистым северным берегам, то унося далеко в открытое море так, что берега исчезали из виду. Сияющее синевой небо внезапно заволакивали тяжелые тучи, и на беззащитные корабли извергались потоки проливного дождя. Скрываясь от него, мореплаватели забирались в трюм, в котором стоял неистребимо тошнотворный запах пеньки, смолы, рыбьего жира и людского пота. Привычные моряки и сам Альберт качку переносили легко, а будущие братья рыцарства Христа и переселенцы вымотались до предела. Приключение, в которое они дали себя втянуть, уже не казалось таким захватывающим. В рост в трюме было не выпрямиться, пилигримы, скрючившись, сидели на низких скамейках и проклинали все на свете. Мрачные взоры смягчались лишь при раздаче эля, вручаемого каждый день по кружке на человека вместе с хлебом, чесноком, подпорченными яблоками и куском вяленой свинины.

Больше всего Альберт опасался стоянки на Готланде. Когда на горизонте появились скалистые холмы острова, шкипер направил корабль к подветренному берегу. Качка прекратилась, пассажиры ожили, и на палубу по указанию Альберта выкатили свежую бочку эля, позволив пользоваться ею без ограничения. Моряки взялись за весла. Берег приближался медленно. Языки пилигримов, пораженных щедростью епископа, развязывались, ноги заплетались. Иоганн выделялся даже на этом фоне. Ухватившись левой рукой за туго натянутую ванту, правой он сжимал объемистый кубок и, заметно покачиваясь на почти неподвижной палубе, что-то вещал благоговейно внимающей ему публике. Альберт придвинулся ближе.

– И тогда Саладин послал самых отчаянных мамелюков в гущу схватки, чтобы, убив Ричарда, поразить наше воинство в самое сердце. Во главе их на вороном скакуне мчался огромный чернокожий сарацин. Но Генрих Саксонский увидел их, выскочил со своими воинами им навстречу, и завязалась великая битва.

– И ты был с ним? – с трудом ворочая языком и тыча в Иоганна заскорузлым пальцем, спросил долговязый юноша поразительной худобы и с многочисленными следами до сих пор не заживших побоев. С помощью Карла епископ едва успел отбить его от разгневанной группы горожан за кражу медного подсвечника из лавки благочестивой Клары.

– С ним? – недоуменно озираясь, Иоганн попытался осмыслить сбивший его вопрос, и вор подсвечника услужливо напомнил:

– С этим. Саксонским. С твоим дядей.

– С дядей? А! Как же! Можно сказать... да какое это имеет значение! – отмахнулся Иоганн. – Так вот. В битве кони Генриха и чернокожего сарацина столкнулись и пали. Вскочив на ноги, сарацин замахал гнутой саблей, пытаясь поразить рыцаря. Но Генрих выхватил обоюдоострый меч и рассек сарацина на две части. Вот так! – он взмахнул рукой с кружкой, и напиток выплеснулся наружу. Иоганн недоуменно оценил нанесенный ему ущерб, смачно выругался и потянулся к бочонку.

– Лжец, – почти неслышно прошептал себе под нос епископ, и верный Карл, который, как всегда незаметной, несмотря на размеры тела, тенью был рядом, услужливо промычал, красноречиво сжимая пальцы в огромный кулак:

– Может, его того?

– Пусть гуляют! – брезгливо поморщился Альберт, с любопытством бросив короткий взгляд на своего помощника. Умом Карл не блистал, слова выдавливались из него с надрывом, иногда со стоном раненого животного, движения казались вялыми и неуклюжими. Заячья губа делала его облик особенно устрашающим, поэтому обычно он, скорбно склонив голову,

скрывал большую часть лица под монашеским капюшоном и сторонился людей. Мало кто мог себе представить, какая взрывная реакция и ничем неодолимая мышечная мощь скрывались в этом неказистом увальне, у которого отсутствие интеллекта в полной мере возмещалось почти собачьей преданностью и чуткостью, позволяющей мгновенно улавливать мельчайшие изменения настроений своего хозяина. Иногда Альберту, как и в этот момент, казалось, что реакции Карла превосходят решения самого епископа. Если бы не его покровительство, незадачливый гигант в монашеском обличии давно бы болтался где-нибудь на виселице за неумную тягу к малолетним детям, и потому Альберт ощущал себя в его присутствии особенно уверенно, как в присутствии до смерти преданного пса.

– Пусть гуляют. Надолго их не хватит. Ты вот что, перед заходом в гавань столкни всех в трюм и запри, пока не покинем остров, чтобы это стадо не разбежалось. Но столкни так, чтобы остались целы, – предупредил он.

Карл покорно склонил голову в знак понимания, но в глазах его отразился трудно скрываемый плотоядный взгляд, и Альберт на всякий случай напомнил себе, что проследить за исполнением указания стоит ему самому. И, пожалуй, лучше избавить от унижительного пленения ремесленника Курта из бременского келлера, который первым задал ему ожидаемый вопрос о Ливонии, а затем еще и привел поутру на корабль вслед за собой двоих сотоварищей-подмастерьев. Вот и сейчас он, хотя и не отказываясь от дармовой выпивки, держался особняком, к словам Иоганна прислушивался недоверчиво, но в спор не лез и выглядел намного трезвее остального сброда. Что ж, каменщики в Риге нужны, как никогда. А вот что касается других... вряд ли магистр обрадуется такому пополнению. Если не считать Иоганна, все остальные, в силу своего происхождения, не имели права на собственное оружие. Воодушевить рыцарей после четвертого Крестового похода на вояж в Ливонию не удалось – спасение язычников не борьба за Гроб Господень и христианские святыни, и даже янтарь не выглядел для изнеженных сеньоров достаточной наградой за тяготы и лишения на холодных и неприветливых берегах Балтии. Что ж, настоящих воинов он еще мог набрать на Готланде. С Божьей помощью, и с частью дани, которую должен был к этому моменту доставить для него из Ливонии барон Эрих фон Бред.

Глава 10

На ярмарку

Мергера готовилась к ярмарке. Почти у каждой семьи было хозяйство, за которым нужен был глаз да глаз. Полевые работы заканчивались, в огородах цвела зелень, скот пасся на пышных лугах. Мужчины правили покосившиеся заборы, латали крыши, смолили лодки, коптили рыбу, заготавливали мясо. Женщины сбивали масло, готовили сыры, подшивали одежду. Дни Уго были заполнены до предела. Старейшина ты или нет, а хозяйство содержать надо в порядке. После раздела имущества Ассо он поупражнялся на заднем дворе с большим двуручным мечом, но техника непривычного боя давалась с трудом, топор казался куда сподручней, и он решил, что лучше подарит меч Заку. Но подходящего момента никак не подворачивалось. Каждый раз, когда он пытался поговорить с сыном, Зак оказывался занят другими делами. А накануне выхода в Ире и вовсе заявил, что хочет остаться, мол, надо же кому-то присматривать за домом. Услышав это, Уго с трудом подавил облегченный вздох.

Из Мергеры выступили на рассвете. Уго шагал во главе отряда, ведя коня в повод. Из его рта, как и у остальных воинов, для отпугивания клещей торчал кончик молодой еловой ветки. В сомнительных местах несколько юношей поочередно забегали вперед, заглядывали в густые заросли, убирали с тропы обломленный бурями валежник, вглядывались в следы на земле. В центре отряда вместе с мужчинами шли женщины. Небольшой обоз из двух лошадей с повозками вез товары для ярмарки, в том числе добытые в последней схватке. Мужчины были вооружены топорами, копьями, дротиками, трофейными мечами. У нескольких за плечами висели охотничьи луки. К исходу второго дня к ним присоединился схожий по составу отряд из Мустанума. В отличие от мергеровцев, повозка у них была только одна: загружена она была в основном выделанными шкурами, медом и воском, на своих более удачливых соседей они поглядывали с завистью. Оба отряда вместе выглядели внушительным войском, но настроены его участники были не на битву – на праздник.

На ночевку отряды устраивались отдельно, но, когда на кострах задымились добытые охотниками косули, воины, раздобрев от обильной пищи, смешались. Кирьянс, старейшина соседней деревни, подсел к Уго.

– Говорят, хорошая у тебя дочка. Крепкая, детей нарожать много может.

– Хорошая, – согласился Уго. – Но молодая еще. К ней на следующий год свататься начнут.

– Понятно.

Кирьянс повертел в руках обглоданную кость, убедился, что ни единого кусочка мяса на ней не осталось, и с видимым сожалением бросил ее в костер.

– А у меня сын овдовел.

– Правда? – оживился Уго.

– Вепрь жену задрал. В лес пошла, за хворостом. Видно, на целое стадо нарвалась. Ване один теперь, с ребенком. Девоч у нас хватает, конечно, но или молоды слишком, или по крови близкие. Да и не по обычаю нашему из своей деревни жену брать. Вот я и подумал...

– Так что ты подумал? – Уго придвинулся ближе. Мощная грудь Кирьянса распирала праздничную льняную тунику, с плеч свисала волчья шкура, скрепленная на груди медной бляхой. Роста он был невеликого, но недостаток роста надежно восполнялся шириной плеч и мощностью узловатых рук. Ване был полностью в него. Такой воин в деревне был бы кстати. Но и что Кирьянс согласится отдать сына на сторону – не факт.

– Вы в Мергере любите красивую одежду. Знак у тебя на шее знатный висит. Говорят, у германцев большим человеком надо быть, чтобы такой иметь. В наших краях ничего похожего не найти.

– За такую бляху много добра получить можно. – Уго погладил свисающую с цепи безделушку, снятую с груди германца. Вещица и впрямь была знатная. При свете костра вкрапленные в большой золотой крест камни сверкали всеми цветами радуги, массивная серебряная цепь туго натягивалась под тяжестью металла. – Особенно в Ире, на большой ярмарке.

– В хороший год дать могут много, это да. А в бедный – и рады бы дать, да нечего. А вот хорошие мужские руки всегда в цене.

– Мы в Мергере мужские руки ценим. Есть куда приложить.

– Их везде есть куда приложить. А про вас всякое рассказывают, – Кирьянс отвел взгляд в сторону, и у Уго участилось дыхание. Одно дело обсуждать возможное сватовство с главой дружественного поселения, и другое – говорить о вещах, о которых даже малый ребенок в деревне с чужаком слова не обронит.

– Рассказывать люди любят, но больше о том, чего не знают. Особенно малым детям, чтобы засыпали быстрее. А правда в том, если воинов в Мергере не хватит, землю ливов защищать некому будет.

– Может, и так. Только... – потянул свою линию Кирьянс, но в этот момент со стороны леса послышалось движение, и собеседники вскочили на ноги. Уго поднял лежащий рядом с ним боевой топор, Кирьянс взялся за рукоятку длинного меча в кожаных ножнах. К костру подлетел запыхавшийся юноша.

– Там, – тяжело дыша, указал он в сторону быстро темнеющего леса. – Чужие. Германцы. В белых плащах. С крестами.

– Много? Куда идут? – Уго уже знаками созывал к себе главную ударную силу своего воинства, то же делал и Кирьянс.

– Не знаю. Кажется, их немного. Как пальцев на двух руках. Половина в плащах, с мечами, остальные в темное одеты. И не идут никуда, к ночлегу готовятся.

– Сборщики подати?

– Не похоже. Налегке идут, без обоза.

– Тебя заметили? – спросил Кирьянс.

– Нет. Точно нет. Я их как увидел, сразу ушел.

Уго осмотрел собравшихся. Вокруг него стояли закаленные вояки, украшенные шрамами многих схваток. Положиться, твердо знал он, можно было на каждого. Люди Кирьянса тоже выглядели как на подбор, но не было в их глазах азарта близкой битвы, а в позах – бесшабашной раскованности, как у мергеровцев. Он повернулся к Кирьянсу.

– Твои эти места лучше знают. Обойди германцев сзади. Мы ударим первыми, с ближайшей стороны.

– Ударим? Зачем? Как бы нам на себя беду не накликать. – В раздумье Кирьянс узловатыми пальцами поскреб затылок. – Лучше переместимся от беды подальше. Германцы, как осенние мухи. Прихлопнешь нескольких, остальные только злей становятся. И числа им нет. Вдруг у них большой отряд неподалеку?

– Ладно, – согласился Уго. – Подойдем ближе, увидим, что к чему, и решим. Только ты со своими встань так, чтобы ни один из германцев уйти не смог, если что. Думаю, это приبلудный отряд, с пути сбились. Но если твои за ними еще кого-то увидят, просто дайте нам знать и уходите.

– Ну разве что... – Кирьянс в сомнении покачал головой, но больше перечить не стал и сделал рукой знак своим. Его воины растворились в темноте и стали неотличимы от толстых сосновых стволов или кустов можжевельника.

Глава 11

Меченосцы

Сквозь прорехи в облаках луна поливала землю мертвенно белым светом. Хвоя и старые листья стелились под ногами мягким ковром, скрадывая шаги. На отдаленной поляне весело плясали сполохи огня, звучали беспечные голоса, фыркали лошади. Уго первым пробрался к опушке леса. Костер горел посреди поляны. Чуть поодаль стояли три шатра из белой ткани с изображением крестов и красных мечей. Единственный часовой прогуливался в десяти шагах от кромки деревьев. У костра, разделенные пламенем, расположились две группы людей. В одной из них на воинах были белые плащи с крестами, как на ткани шатров. Вторая группа, состоящая из слуг или оруженосцев, была облачена в малоприметные серые одеяния. На костре жарилось мясо, и его аромат ветер нес прямо к притаившимся воинам Уго. Дальше за второй группой на лужайке паслись стреноженные лошади. Только чудом германцы не вышли прямо на ливов. Похоже, меченосцы отбились от какого-то другого, гораздо большего отряда и были в полной уверенности, что никто в окрестностях не посмеет посягнуть на их безопасность.

Уго взгляделся в людей на поляне. В бликах костра, без военного облачения, они мало чем отличались от его соплеменников. Совсем еще молодые парни ни сложением, ни изнеженными лицами не напоминали свирепых рубак. Как такой народ смог заполнить древние земли ливов?

Трое лучников спрятались за стволами ближайших сосен в ожидании команды. Но Уго не спешил, стараясь определить, вышел ли уже на позицию со своими воинами Кирьянс. В чем-то старейшина Мустанума был прав. Если уничтожить этот отряд, на его поиски могут прийти другие. Не буди лихо, пока оно тихо. Отчего германцев так мало? Обычно они перемещаются гораздо большими силами. Конечно, если они отбились от основного отряда и исчезнут в лесу без следа... Мало ли вокруг других племен?

Часовой сделал очередной круг, и что-то привлекло его внимание с противоположной стороны. Он остановился спиной к Уго, частично перекрывая ему обзор, и старейшина коротко взмахнул рукой. Лезвие топора с лета вошло часовому в шею чуть ниже затылка. Германец рухнул с коротким вздохом. Его сотоварищи у костра вскочили, и в тот же миг из-за стволов в них понеслись стрелы. Трое упали сразу, остальные бросились к оружию, но еще двоих настигли точно брошенные дротики. Оставшиеся, определив направление атаки, метнулись к дальней опушке леса. В спине одного из них торчала стрела, он еще не осознавал, что ранен, и на бегу стрела качалась, как звериный хвост. Беглец почти достиг первых деревьев, когда навстречу ему вылетел дротик. Грудь другого пронзил меч. Из-за деревьев выступили воины Кирьянса. Двое безоружных пришельцев метнулись назад, и в спину одного из них вонзилось копье. Вся поляна уже была заполнена ливами, и последний меченосец, умоляя о пощаде, пал на колени.

Уго вырвал завязший в шее часового топор и подошел к пленнику. Вблизи, при свете костра было видно, что германец еще совсем молод. Его розовые, как у женщины, щеки едва окаймлял легкий пушок, на ногах были хорошо выделанные сапоги. Увидав Уго, он замолчал и, протянув руку к болтающей на груди Уго бляхе, покорно склонил голову. К пленникам подошел и Кирьянс. От быстрой ходьбы или бега дыхание его сбилось, лоб покрывала испарина.

— Этот, кажется, из знатного рода будет, — указал он на розовощекого. — За него немалый выкуп получить можно.

— Выкуп? — покачал головой Уго. — Скажи медведице, что ее детеныша косули поймали. Она весь лес разнесет. Их вокруг тьма несметная. Лучше с ними не связываться.

— Так что с ним тогда делать? Отпустить?

— Отпустить? Это вряд ли.

Уго взмахнул топором, и розовошекая голова подкатилась к ногам Кирьянса. Старейшина, отступив на шаг, застыл, как каменное изваяние.

Лошади и оружие – добыча сама по себе была знатная. Но главное добро могло скрываться в шатрах.

Подойдя к одному из них, Уго, не выпуская из правой руки топора, распахнул полог и застыл в недоумении. Посреди шатра сидел человек в красной холщовой рубаше под зеленой накидкой, сапоги его были совсем короткие, перетянутые вокруг ног кожаными ремешками, немного удивленное лицо гладко выбрито. В руках он держал странного вида деревянное изделие с натянутыми вдоль узкой доски струнами. При виде Уго человек улыбнулся, тронул струны пальцами, и по шатру разнесся музыкальный аккорд.

– Ты кто такой? – опешив от неожиданности, спросил Уго, и только тогда сообразил, что германец все равно не поймет его вопроса. Ливы легко осваивали языки куршей, земгалов или кривичей, даже германцев, но чужаки никогда не говорили на их языке.

– Меня зовут Вальтер, – ответил человек на языке ливов, приведя Уго в еще большее замешательство. – А вы, наверное, гость рыцаря Рейнгольда и хотите послушать музыку?

– Гость? – замешательство Уго прошло, и он насмешливо указал на выход из шатра. – Можешь называть меня и так. А твой рыцарь приглашает тебя присоединиться к нему.

– Правда? – отложив инструмент в сторону, Вальтер поднялся на ноги, выглянул наружу и в ужасе отшатнулся назад. – Боже, кто это сделал? Когда? Я ничего не слышал. Наверное, потому что сочинял музыку, и мой слух был направлен внутрь. Какая ужасная судьба! Рыцарь Рейнгольд был не самым добрым человеком, но он что-то понимал в поэзии. Кто совершил это злодеяние?

Губы Уго скривила недобрая улыбка.

– Лучше тебе не знать.

– Да, но... Смотрите, там еще убитые! Это оруженосец Петер. Бедолага. Ему и так доставалось от своего господина. А это Франк и Стефан. Ганс. Юрген. Гюнтер. Мартин... И Хорст! А это Рольф! И даже Хейнц. Они все... Нет только... – медленно перемещаясь среди поверженных, пленник внезапно застыл на месте и растерянно огляделся. Шагающий вслед за ним Уго обеспокоенно сжал плечо Вальтера.

– Похоже, ты кого-то не досчитался.

– Я не уверен.

– Не уверен в чем? Говори!

– Кажется, среди нас был еще и Рудольф. Я не вижу его. Может быть, он вернулся в отряд рыцаря Конрада.

Уго переглянулся с не отступающим от него Кирьянсом и как можно более спокойным голосом спросил:

– Наверное, он так и сделал. Ведь ты говоришь об отряде, который находится там? – он наугад махнул рукой в сторону шатров, и пленник пожал плечами.

– Я плохо ориентируюсь в лесу. Мы шли вместе, но командиры постоянно спорили между собой. Обо всем. Даже о выборе пути. У реки Аа мы пошли другой дорогой и больше не видели отряда Конрада. Это было два дня назад.

– А отряд Конрада – он такой же, как этот?

– О, он намного больше. Рейнгольд никак не мог смириться с тем, что у Конрада больше людей, и все делал ему наперекор.

– Но цель у вас была одна. Куда вы направлялись?

Пленник виновато опустил глаза.

– В Ливонии много языческих племен. Кажется, германские священники побывали почти в каждом из них. Но не всех удалось обратить в христианство. Меченосцы собирались исправить то, что не удалось священникам.

– Исправить! – гневно выкрикнул Уго. – Это наша земля, и не чужеземцам решать, каким богам нам поклоняться!

– Я согласен с тобой, великий вождь. Каждый должен наводить порядок в своем дворе, а не лезть в дела соседа.

– Ты говоришь как лив, но ты не похож на нас. Кто ты такой? Говори, пока я не снес тебе голову, как твоему рыцарю.

– Рейнгольд не мой рыцарь! Он удерживал меня силой, как пленника. Я не хотел идти в этот поход, но он ничего не желал слушать. У меня нет оружия. Я простой миннезингер. Вы же не убиваете мирного странника только потому, что он встретился вам по пути. – Голос юноши перекачивался, как весенний ручей или как мелодия, которую хочется слушать вновь и вновь, и в нем не было испуга. Разгоряченные победным боем воины обступили Уго и его пленника.

– Мино...

– Миннезингер, – поправил пленник.

– Это тот, кто рассказывает людям про прибитого к кресту Бога? – незнакомое слово резало слух. Священников Уго не любил почти так же, как самих меченосцев. Священники не вступали в бой, как подобает мужчинам, а рассказывали длинные истории о своем Боге, мрачном и требовательном, призывающем к покорности и подчинению своему посланнику – епископу Альберту, восседающему теперь в самом центре ливской земли, в Риге, и ненасытно требующему с ливов все новых и новых податей. Уго потянулся к рукояти топора, и пленник поспешно объяснил:

– Так называют меня германцы. И я не пастор, не священнослужитель. Мое оружие – это флейта и гитерн. Я собираю истории о героях и рассказываю их людям в песнях.

– В песнях? Так ты скоморох, шут? – уточнил Уго, и окружающие его воины рассмеялись. Скоморохи веселили народ на ярмарках, за что их одаряли едой, напитками, старой одеждой, безделушками или мелкими монетами, существами они были бесполезными, но и безвредными. Они появлялись из ниоткуда и уходили в никуда.

– Нет. Франки называют меня менестрелем.

– Нет? – Нахмурясь, Уго сделал шаг вперед, и пленник умиротворяюще поднял над головой руки. Его узкие ладони выглядели мягкими, без рубцов и мозолей, как у девушки. Судя по их виду, они действительно никогда не держали оружия.

– Стой, стой! Ты прав, это действительно вроде скомороха. Только в краях, откуда я родом, это называется по-другому.

– Ты еще не ответил, откуда ты родом, – напомнил Уго.

– Я и сам не знаю толком откуда. Мой отец был купцом. После смерти матери он взял меня с собой. Мы жили в разных краях, и в каждом из них я быстро обучался говорить на языке местного населения. Но больше меня привлекали музыкальные инструменты. В Персии мы накупили много товаров, и на обратном пути на наш караван напали разбойники. У нас была хорошая охрана, разбойники бежали, но стрела пробила моему отцу горло, а я остался один. Друг отца, тоже купец из каравана, взял меня с собой. Мы сбились с пути, и судьба даровала нам много испытаний, пока мы по быстрой реке не добрались до поселения ливов. Потом выпал большой снег, дороги не стало, и мы прожили там всю зиму. За это время я выучил ваш язык.

Кирьянс, недоверчиво покачивая головой, придвинулся к пленнику ближе.

– Где это было?

– Где?

– Как называлось поселение ливов?

– Это замок Турайда. Там, где живет сам вождь Каупо.

– Каупо не наш вождь! – громогласно уточнил Кирьянс. – Он предал наш народ и продался германцам. Так ты – человек нашего врага, предателя Каупо! Ну, скоморох, что ты на это скажешь?

– Я не его человек. Зимой купец, который привел меня с собой, умер. Меченосцы увидели мое представление на весеннем празднике и позвали к себе, чтобы я спел для них в замке Икскуль. Мои песни понравились рыцарю Рейнгольду, он прибыл на помощь к Конраду, а потом заставил пойти с его отрядом в поход. Я отказывался, но он ничего не хотел слушать. Я стал его пленником и мечтал сбежать от него при удобном случае. Это был жестокий человек. Молодой, но жестокий. А теперь... Даже не знаю, в какую сторону мне теперь идти. Может быть, вы возьмете меня с собой?

Возбуждение от недавней схватки утихало вместе с угасающими сполохами костра, темнота все гуще обволакивала собравшихся на поляне ливов, и единственными звуками стало потрескивание догорающих веток. По обычаю, трудное решение должен был озвучить старейшина. Литвины, не задумываясь, забирали людей в рабство, чтобы те обрабатывали землю или ухаживали за скотом, пока мужчины заняты ратным делом. В отличие от них ливы не любили чужаков в своих селениях. Другое дело – скоморох. Каждый день и так приносил слишком много поводов для печали. Больше, чем поводов для веселья. Но и свидетели расправы с меченосцами были ни к чему. Люди пропадают в лесу по воле богов, такое случается, и винить за это некого. Но когда убийцы известны, мстители могут наслать на обидчиков целое войско...

Всего несколько мгновений назад Уго уже решил судьбу обезглавленного меченосца, не спрашивая ничьего согласия. Сейчас глаза окружающих его ливов тоже были устремлены на него. И он поднял вверх правую руку:

– Меченосцы расползаются по нашей земле, как муравьи весной. Сегодня нам повезло. Мы первыми увидели наших врагов. Кто знает, что будет завтра. Но мы не воюем со скоморохами. Ты правда хочешь пойти с нами?

– Если ты не против, великий вождь. Я – как осенний листок, которого носит ветер странствий. У меня нет своего дома, и мне не выжить в лесу одному. Да, я хотел бы пойти с тобой.

– Что ж. – Краем глаза Уго проследил за Кирьянсом. Лицо старейшины Мустанума было невозмутимо, но голова чуть склонена в готовности принять любое решение. – Пусть будет так. Но ты должен поклясться, что никогда и никому не расскажешь о том, что ты видел здесь и еще увидишь, оставаясь с нами. Согласен?

– Согласен! – пленник торопливо протянул руку навстречу старейшине, и Уго сжал его ладонь так, что на глазах миннезингера выступили слезы. – Я, минне... хорошо, хорошо, не дави так сильно... я, скоморох по имени Вальтер, или, если хочешь, листок, носимый ветром, согласен прилипнуть к тебе! И клянусь никому не рассказывать о том, что увижу, оставаясь с твоим героическим отрядом... ой, больно же, ну как мне еще вас называть?... оставаясь с приютившим меня племенем ливов. Клянусь.

– Хорошо. Мы пожали руки. – Уго отпустил ладонь пленника, да не пленника уже, а добровольно перешедшего на их сторону нового члена общины, и повернулся к старейшине соседского поселения. – Если ты не против, конечно. А добычу разделим пополам.

Кирьянс кивнул в знак согласия, и висевшее в воздухе напряжение растворилось в сыром весеннем воздухе. Люди Уго привычно взялись выкапывать на поляне принесенными с собой лопатами ямы, снимали с трупов одежду и сапоги, собирали брошенное оружие. Скинув тела в яму, присыпали их тонким слоем земли, сверху накидали еловых веток, разворошили костры. Вскоре от места битвы не осталось и следа.

Первой в ветвях дерева на опушке заухала сова. Следом, встревоженные недавним нашествием людей, заголосили другие птицы. Лес оживал. На поляну выбежала лисица, принялась, остановилась и попробовала разрыть землю под еловыми ветками, но что-то насторожило ее. Она приподняла голову над высокой травой и застыла. Только движение ушей выдавало ее. Успокоившись, она вернулась к своему занятию, и тотчас новый звук заставил ее застыть. Но лишь на краткий миг. Не раздумывая более, она метнулась к деревьям и скрылась в спасительной темноте.

Только тогда на поляну вышел человек в белом одеянии. Он медленно, подобно лисице напряженно вслушиваясь в звуки леса, прошелся по поляне, поворошил ногой ветки над недавним кострищем, подошел к месту, где ранее стояли шатры, поднял с травы заостренный колышек. Глаза его были расширены от ужаса и отчаяния. Он опустился на колени и тихо, почти неслышно пробормотал благодарственную молитву Господу. Потом поднялся, еще раз внимательно огляделся и, тяжело ступая, направился в сторону, противоположную той, в которой скрылись погубившие его товарищей язычники.

Глава 12

Рига. Июнь 1210 года

Пара ремесленников заделывала пролом в крепостной стене. Один из них пытался толкнуть в щель слишком большой для нее камень, а его напарник, наблюдая за усилиями сотоварища, озадаченно почесывал русоволосую голову. Щель не расширялась, камень не уменьшался, мастера, не обращая внимания на окружающих, громко переругивались на неизвестном епископу языке, упорно пытаясь преодолеть природу вещей. Мудро ли это, доверять фортификационные работы иноверцам, усомнился Альберт и подозвал поджидающего в стороне городского зодчего Вартбуха – уже немолодого, заметно погрузневшего за последние годы человека с мясистым лицом. Зодчий был нарасхват – стройки шли повсюду, новые улицы возникали одна за другой, и каждое строение должно было возводиться исключительно с его согласия. Поговаривали, что и мзду он за это требовал немалую, но и про пожертвования для церкви не забывал, поэтому относился к нему епископ вполне благосклонно. До тех пор, пока во главу угла ставились интересы города.

– На последнем капитуле было сказано, что работы по укреплению крепостной стены должны быть первоочередными. Почему пролом до сих пор не заделан? – раздраженно бросил епископ. Настроение было скверным: Эрих фон Бред на Готланде с солидным запасом янтаря, который он должен был обменять с тамошними купцами на звонкую монету, так и не объявился, хотя Ригу покинул две недели назад, никаких известий о его пребывании не поступало, предположить можно было самое худшее. В результате на острове епископ оказался с пустой мошной, и склонить к походу в Ливонию удалось лишь двоих пилигримов, хотя и достаточно знатных родов, чтобы при них Иоганн уже не так уверенно распинаясь о подвигах своего именитого, но уж очень, очень отдаленного родственника. Хуже было, что и городская казна сильно оскудела. С тех пор как по требованию покойного магистра Винно фон Рорбаха и с соизволения Римского Папы треть завоеванных земель стала отходить ордену, поток поступлений в церковь заметно иссяк. Пришлось даже отложить на время покупку церковной утвари, приостановить постройку часовни. Да бог с этим! Не ему, слуге Господня, роптать на недостаток мирских благ! Все еще будет – и походы новые, и добыча великая, это еще только начало пути. Главное, не споткнуться бы на нем сейчас!

Вартбух почтительно склонил голову.

– Пока вы отсутствовали, ваше преосвященство, с Божью милостью, прошли проливные дожди, стену подмыл ручей и часть кладки рухнула. Людей не хватает. И не только.

– Что? Божьей милостью стену подмыл ручей?!

– Извините, если неудачно выразился, ваше преосвященство, но ремесленникам надо платить, а казна...

– Мне известно, что за работу полагается оплата, – оборвал его епископ. – Но мы только что прошли мимо твоего нового дома. Кажется, он заметно изменился.

Лицо Вартбуха побагровело.

– Мы найдем средства, ваше преосвященство. Не извольте беспокоиться.

– Я не буду беспокоиться, если это произойдет быстро. И еще. Сегодня я привез новых людей. Среди них есть каменных дел мастер Курт из Бремена. Найдите его и направьте сюда. Пусть хоть за спинами каменщиков стоит, но чтобы стена до завтра была в порядке!

Покинув Вартбуха, епископ со свитой двинулся дальше. Рига росла с каждым днем, строительство шло повсюду, куда ни повернись. Бременское архиепископство расширялось, повсюду требовался глаз да глаз. Внутренний, дарованный ему Господом огонь пылал в его

груди, понуждая быть везде и всюду. Казалось, стоит ему остановиться на миг, и все вокруг замрет, засохнет на корню, как лишенное воды дерево, рассыпется в прах.

Между городской стеной и наружным защитным валом раскинулись кишасие народом торговые ряды. Среди них легко было распознать ливов по синим накидкам у мужчин и пестрым, украшенным бронзовыми бляхами наплечным платкам у женщин, и земгалов по их льняным, обвешанным кольцами одеяниям, немногочисленных куршей в нашейных гривнах. Кривичи в шерстяных, отороченных мехом рубахах и в меховых шапках продавали пушнину. Но чаще всего встречались купцы из Готланда и Голштинии. В порту на Рижском озере разгружался купеческий корабль. Прямо от укрепленного сваями берега к нему были проложены плавучие деревянные мостки, по которым с тюками на плечах перемещались портовые грузчики. Еще один корабль едва успел встать на якорь, а к нему уже устремились с предложением услуг лодки.

У питейной лавки на торговой площади он заметил Иоганна. Вид у пилигрима был помятый, взгляд растерянный. Казалось, молодой повеса только теперь вышел из пьяного дурмана последних дней и еще не вполне осознавал, где оказался. Кошель его был привычно пуст, а ни одного знакомого лица поблизости не наблюдалось. Епископ подумал, что Иоганн уж очень пристально присматривается к хорошо одетому, но изрядно подвыпившему горожанину и приказал Карлу:

– Приведи его ко мне. Только без рукоприкладства.

Уточнять для верного слуги, кого он имел в виду, не пришлось. Монах, тщетно скрывая разочарование после озвучивания второй части указания, склонил голову и тут же исчез, будто его никогда и не было рядом, но уже через миг появился вновь в укромном уголке возле городской стены вместе с даже не пытавшимся оказывать сопротивление Иоганном. Оставив свиту, епископ подошел ближе и жестом указал Карлу отойти в сторону. При виде епископа Иоганн заметно приободрился, даже раскинул в стороны руки, словно пытаясь обнять верховного священнослужителя.

– Слава богу! Еще чуть-чуть – и я тут высохну, как осенний лист. Брат...

– Ваше преосвященство, – поправил епископ, на всякий случай останавливаясь вне досягаемости беспокойных рук Иоганна. – Мы уже говорили об этом.

– Но это было...

– Здесь, в Ливонии, куда ты прибыл как пилигрим, это правило должно соблюдаться еще строже. Не забывай, сам император назначил меня ленным князем Ливонии. И ты обязан показывать мне должное почтение.

– Хорошо, бра... ваше преосвященство. Пусть будет по-вашему. Но не одолжите ли вы мне, вашему покорному слуге, несколько монет, чтобы я мог привести себя в достойный вид. Ведь не подобает брату...

– Я помню, что ты мой сводный брат, – вновь остановил его епископ. – И ты знаешь, что отец оставил нам немного, а я, как старший в семье, взял на себя отеческую заботу об остальных. Покойный брат Энгельберт был пробстом Рижского конвента. Остальные наши братья тоже достойные и уважаемые люди в церковной иерархии. Но это не дорога в один конец. Мне нужны люди, на которых я могу положиться.

– У меня нет сомнений в остальных наших братьях и ваших целях, ваше преосвященство. Но вы же знаете, я никогда не был силен в богословии и предпочитал больше времени проводить не в служении Иисусу, а в ратных забавах и...

– Не богохульствуй! – гневно прервал его Альберт. – Я знаю, где ты предпочитал проводить время в грехе и разврате. Я с трудом уладил твои дела в Бремене. В его окрестностях ты уже заслужил славу забияки, пьяницы и мошенника. И что ты знаешь о моих целях! Сам Римский Папа и император доверили мне великую миссию: расширить границы Священной

Римской империи, создать новую страну и обратить в истинную веру язычников! И мне нужна в этом помощь каждого истинного христианина, твоя в том числе.

– Я всегда был рад тебе помочь как старшему брату, ты же знаешь, ваше преосвященство. Но, согласись, все произошло как-то неожиданно и...

Иоганн замолк, заворуженно глядя на гневно потрясающего жезлом Альберта.

– Ты называешь это неожиданным? Еще в Бремене ты дал согласие вступить в орден братьев рыцарства Христа. Останься ты в Бремене еще хоть на день – и тебя, несмотря на всю твою родословную, бросили бы в темницу. Послужи верой и правдой – и через год получишь отпущение всех прежних грехов. Я даю тебе такую возможность и поддержку в нужный момент. Но все остальное будет зависеть только от тебя. Третью завоеванных земель отходят к ордену, и нам нужны новые опорные пункты, новые замки и их ленные правители. Треть! И кому они достаются? Этим грабителям с большой дороги под названием рыцари! Я дал обет celibата, у меня никогда не будет детей. Кому, если не своим братьям, я могу доверять целиком и полностью?

– Я никогда не мог соперничать с вами в риторике, ваше преосвященство, – склонил голову Иоганн. – И я обязательно обдумаю ваши слова. Но сейчас, пока я не дал тягостного обета послушания, всего несколько пфеннигов могли бы...

– Нет, – твердо ответил епископ. – Мужчина, тем более родственник самого Генриха Саксонского – извини, но я стал невольным слушателем твоего выступления перед простолюдинами на корабле – должен отвечать за свои слова. Ты питаешься на монастырской кухне, у магистра Фольквина ты получишь предусмотренное уставом ордена боевое снаряжение. Но не пфеннига более. И ты должен будешь строго следовать уставу. Рыцарский dormitorio сейчас переполнен. Поживешь пока в монастырской келье. Достойно, как подобает монаху. Никто не должен знать о наших родственных связях. Мне нужен свой человек в ордене. И помни: что бы ни предлагал магистр, правитель Ливонии я, и могу дать больше.

Глава 13

Ярмарка в Ире

На следующий день оставшуюся до Ире дорогу проделали молча. Голоса в лесу разносятся дальше, чем стук копыт. Меченосцы в поиске пропавших товарищей могли объявиться в любой момент. Больше всего Уго беспокоило исчезновение рыцаря, которого скоморох называл Рудольфом. Искать его в лесу в темноте было безнадежно, а до рассвета он мог уйти слишком далеко. Хорошо еще, что схватка их произошла не возле Мустанума или Мергеры, а в глухом лесу, где повстречаться можно было с кем угодно. Отсюда недалеко до границ воинственных куршей и земгалов. Да и коварные литвины не брезговали набегами на дальние территории, особенно когда было чем поживиться у стекающихся на ярмарку купцов. Что он сможет рассказать, если доберется до своих?

Ночью спали мало, сменяя друг друга в усиленной охране, тревожно всматривались в темноту, и на переходе не выпускали из рук оружия. У Уго разболелись натертые накануне ноги, оставшийся путь он проделал верхом. Рядом, иногда придерживаясь за стремя, легкой походкой вышагивал скоморох Вальтер – единственный в отряде, в руках которого вместо оружия была флейта и музыкальный инструмент, который Вальтер называл гитерн. После вчерашней схватки Кирьянс вернулся к своему отряду, к Уго больше не приближался, разговоров о дочери не заводил. На миг у Уго при взгляде на Вальтера мелькнула мысль о женихе для Даны, но он тут же отбросил ее как вздорную. Разве такого зятя и воина в Мергере ожидал он?

Утренний туман быстро рассеялся, над лесом поднялось солнце, воздух прогрелся, по дороге все чаще попадались знакомые приметы. До Ире добрались к полудню, когда ярмарка была в самом разгаре. На площади перед защитным земляным валом длинными рядами растянулись повозки. С них продавали дичь, напитки, орехи, мешки с мукой, зерном, копченую рыбу, мед, сыр, воск. Купцы предлагали заморские товары – пряности, неведомые лакомства. За ними были расставлены несколько шатров с мастеровыми – кузнецами, гончарами, ткачами, швеями. Прямо на месте можно было заточить кинжал или нож, подправить сбрую, подогнать по фигуре праздничный наряд. Отдельным рядом на расстеленных прямо на земле шкурах продавали украшения из кожи, дерева, кости, металла, диковинные камни и амулеты. Особую площадку занимали продавцы янтаря. Кусочки морского камня вбирали в себя полуденное солнце и сами сверкали крохотными лучиками. Бородатые купцы брезгливо ворошили кучки камней с вкраплениями насекомых или растений и скупали их целыми мешками в обмен на заскорузлые серебряные монеты или беличьи и куньи шкурки. Забор из опирающихся на крестообразные козлы березовых стволов огораживал площадку с домашним скотом.

Сам Лембит вышел встретить Уго и Кирьянса. На плечах старейшины Ире поверх белой туники была дорогая, искусно отороченная мехом по краям синяя накидка, светлые кудрявые волосы, схваченные серебряным обручем, рассыпались по плечам. Он был еще молод и не успел покрыть себя воинской славой, как его отец, покинувший недавно мир живых из-за неведомой болезни. Высокий, но не слишком широкоплечий, как большинство ливов, с мягкими, как у недавно поверженного меченосца, чертами лица, старейшина вряд ли был самым могучим воином Ире. Но в его властном взгляде было нечто такое, из-за чего многим, и не только его соплеменникам, хотелось склонить перед ним при встрече голову.

– У вас был успешный год. – Лембит кивнул на повозки с товарами. – Похоже, не только Мать охоты была к вам милостива. Сейчас, наверное, у вас хватает хлопот с вашими людьми, да и на ярмарке есть на что посмотреть. А к заходу солнца жду вас за моим столом.

– Мы придем с радостью, – принял приглашение Уго.

О Лембите говорили разное. Язык земгалов и куршей понимали многие ливы, но молодой старейшина Ире, подобно Вальтеру, знал еще и германский, мог говорить с эстами и кривичами. Два года провел в доме его отца германский монах, обучив юношу умению читать и писать. Что за послания посылал он в сопредельные территории? Для Уго каждый чужак был соглядатаем, от которого надежней избавиться так, словно его никогда в краю ливов и не было. А здесь, в Ире, по ярмарке спокойно разгуливали в странной одежде щуплые малорослые люди с узкими, раскосыми глазами, коварные кривичи с огромными окладистыми бородами, даже какие-то совсем удивительные люди из дальних стран, темные кожей, как ночь.

Прежде всего Уго направился к шатру ювелира. Люди почтительно расступались на его пути. Поначалу ему казалось, что каждый узнает в нем грозного старейшину Мергеры, но потом он заметил, что встречные больше смотрят на свисающую с его груди бляху. Ювелир, худой темноволосый мужчина преклонного возраста с большим горбатым носом, при виде Уго вскочил на ноги, низко поклонился и сказал что-то на незнакомом ему языке.

– Я думал на нашей земле говорят по-ливски, – недовольно ответил Уго и от досады едва не развернулся назад, но его внимание привлекла расчерченная на бело-черные клетки доска, на которой напротив друг друга выстроились два крохотных войска – белое и черное.

– Извините, ваше украшение... – Ювелир говорил на языке ливов свободно, но в речи его ощущалась примесь какого-то иного, чуждого Уго языка. – Я подумал, вы из германцев. Хотя ни одного из них я здесь до сих пор не видел. В наше время опасно ходить с такой штукой на шее без охраны. Хотя, извините, охрана у вас как раз есть. Но если вы готовы это украшение продать, я готов его купить. Если сторгуемся.

Уго озадаченно проследил за взглядом ювелира и понял, что речь идет о не отстающем от него Вальтере. Недавний пленник с интересом всматривался в происходящее вокруг, вслушивался в разговоры, то и дело сам задавал вопросы, но больше всего оберегал от случайных толчков в толпе свой инструмент со струнами. Какой из него охранник?

– Я среди своих. Мне нечего опасаться, – назидательно ответил старейшина и ткнул пальцем в сторону костяных фигурок, подумав, что они могли бы стать отличным подарком для младших детей. – Что это у тебя за штуковины?

– О! – ювелир многозначительно покрутил пальцем в воздухе. – Это магическая арабская игра. Играть в нее могут только шахи, короли и особы королевских кровей, великие вожди и...

– Это шахматы, – подсказал Вальтер. – Их действительно называют игрой королей.

– Совершенно верно, – подхватил ювелир. – Не думал, что ваш охранник разбирается в...

– Я не охранник!

– Что ваш спутник, такой еще молодой человек, – мгновенно сориентировался ювелир, – разбирается в таких вещах.

– А германцы? – спросил Уго. – Германцы тоже могут в нее играть?

– Конечно! – замахал руками ювелир. – Я же говорю – с помощью такой игры они захватили больше земель, чем можно охватить взглядом за целую жизнь.

– С помощью игры? – Уго недоверчиво покачал головой. – Сколько ты за нее хочешь?

– За магическую игру королей? Она не продается.

– Все, принесенное на ярмарку, продается. – Ювелир начинал раздражать старейшину. Попался бы он ему в чистом поле... или лучше в темном лесу, без свидетелей. – Магическая игра, захват земель... – эти фигурки что – боги?

– Это божественная игра. Но я готов ее обменять.

– Ты похож на германского пастора. Он тоже рассказывал о чудесах, которые творит их бог, один на всех, словно один может видеть все и всюду, день и ночь. Но ни одного чуда так и не показал.

– Если обменяем шахматы на бляху, я покажу, как ходят эти фигуры и как ими можно управлять, – вмешался Вальтер.

- Ты сказал, – изумился Уго, – они ходят и ими можно управлять? Управлять богами?
- Я знаком с искусством этой игры и могу помочь.
- Что?!

Уго с удивлением уставился на скomorоха.

- Ты знаешь, как управлять богами?

– Я бы сказал по-другому – как с ними ладить, чтобы они вовремя приходили на помощь, – скромно ответил недавний пленник.

Глава 14

Келья

Иоганн был разочарован. Через неделю-другую отслужившие свой срок пилигримы уедут, и он должен будет принести обет послушания. Только тогда достанется ему снаряжение рыцаря, состоящее из тяжелых доспехов и оружия, а также белого плаща с вышитым на нем крестом и красным мечом, отчего обладателей плащей чаще называли меченосцами, двух пар сапог, пары рубашек, одной простыни, спального мешка, молитвенника, ножа, меча и булавы. Если не считать трех лошадей и оруженосца, ничего другого, согласно уставу ордена, рыцарю в течение всего года иметь не полагалось. Даже иметь деньги или принимать подношения было запрещено! День проходить должен был в молитвах и воинских упражнениях, пища, по слухам, была скудной, не лучше нынешней, монастырской, участвовать в охоте или вступать в контакт с женщинами, даже смотреть на их лица, не позволялось.

Не такой представлялась ему рыцарская служба, в которую заманил его всемогущий братец. Обычно в Крестовых походах за войском крестоносцев тянулся огромный обозный шлейф веселых девиц, торговцев, бродячих артистов и прочего сброда, прекрасно скрашивающий тяготы дальнего пути. Здесь же без денег о подобном не приходилось и мечтать. Одна надежда была, что жизнь как-то изменится к лучшему, когда начнется сам поход на язычников. Поэтому в упражнениях с мечом он усердствовал, сколько хватало сил. Деревянное, изрубленное мечами чучело на отгороженном от мирян и орденского замка стеной епископском подворье представлялось ему тем самым язычником, прячущим от него, младшего отпрыска благородного, но обнищавшего рода, предназначенные для него сокровища. Спал Иоганн в келье на узкой деревянной лежанке, других рыцарей видел нечасто, и общаться больше приходилось с определенным для него в оруженосцы Куртом. Правда, до вручения полагающегося орденскому рыцарю оружия дело никак не доходило. Курт целыми днями занимался строительными работами на городской стене, в келье появлялся лишь по вечерам и сразу укладывался на свою лежанку у противоположной стены. Иногда истосковавшийся по человеческому общению Иоганн затевал по вечерам со своим «оруженосцем» беседы. Длились они недолго. В городе Курт был нарасхват, подрядчики из всех сил старались угодить мастеру, к которому благоволил сам епископ, и Курт часто возвращался усталый, но сытый и чрезвычайно довольный, отказываясь от скудной монастырской пищи. В такие дни он пытался хоть как-то угодить своему «господину», но надолго его не хватало: уже после нескольких фраз на не связанные со строительством темы он начинал зевать, и в ответ на затянувшуюся тираду Иоганн часто слышал лишь довольное сопение, переходящее в продолжительный, ничем не остановимый храп.

– Часто ли удается тебе видеть епископа Альберта? – спросил Иоганн у Курта, и тот, в полумраке кельи пожимая широкими и мощными от ежедневной работы с камнем плечами, ответил:

– Случается. Его преосвященство освящал сегодня новую сторожевую башню на городской стене, а перед тем лично осматривал кладку и спрашивал меня, какой силы должны быть удары извне, чтобы пробить или разрушить такую стену. А перед тем он рядом с местом, где я работал, расспрашивал заморских купцов о том, какой товар покупают ныне больше всего в местах, откуда они родом. С утра он служил мессу в церкви Святого Петра, а после проследовал на собрание капитула. Иногда кажется, что он вездесущ, почти как Господь Бог.

«Только не для того, чтобы навестить сводного брата, прозябающего в келье, словно в каземате», – мрачно подумал Иоганн, стараясь не выказать зависть к беседующему с ним простолыдину, и равнодушно бросил:

– Когда пьешь эликсир из золотого кубка, чего не полюбопытствовать, какого цвета камешки инкрустированы в его обод.

– Не знаю, – отвечал Курт. – Я такого кубка и в руках не держал никогда, не то чтобы из него пробовать.

– Именно! – исподволь развивал больше всего интересующую его тему Иоганн. – А вот сам Ричард Львиное Сердце и его ближайший соратник Генрих Саксонский, кстати говоря, обожающий меня родственник по материнской линии, делил в священном Крестовом походе все тяготы со своими рыцарями и вассалами, сам врывался в гущу самой яркой схватки и всегда с честью выходил победителем. Если бы не коварный выстрел отравленной стрелой... Кстати, а не говорил ли епископ часом о походе против язычников?

– Об этом не слыхивал. Воинские дела забота магистра. А в Риге на сегодня и без того столько дел...

– Так ведь наша священная задача как раз в том и состоит, чтобы донести слово Господне до каждого уголка этого дикого края. А для этого самое время выступить в новый поход. Вот и погода для того самая стоит подходящая. Ты что об этом думаешь?

– Хр, хр, хр, – раздавалось в ответ с соседней лежанки.

Глава 15

Клятва

Перед тем как войти в дом Лембита, Уго внимательно осмотрел окрестности. С соседями лучше дружить, но ухо надо держать востро. Эту истину он впитал с молоком матери. Перед домом, обнесённым частоколом из заостренных кольев, стояло несколько шатров, у костров сидели люди в облегченном воинском облачении, на вертелах вращались крупные куски мяса, из прокопченных котлов тянуло ароматом жирной похлебки. У одного из костров Уго разглядел Ване, сына Кирьянса, и подумал, что к вопросу о сватовстве они еще могут вернуться. Две женщины разносили воинам веселящий напиток, и голоса у костров с каждой минутой становились все громче. Перед входом в дом старейшины Ире стояла охрана и настойчиво добивалась, чтобы все оружие гости оставляли снаружи. Уго с сожалением оставил в своем шатре топор и дротик и велел Иво глаз не спускать со скомороха.

Крышу дома старейшины покрывала свежая dranka. В главной комнате собрались почетные гости. На стенах висели шкуры лесных зверей, в большом, сложенном из морских валунов очаге ярко пылал огонь. Стол Лембита ломился от еды. Две большие миски, выставленные так, чтобы до них мог дотянуться каждый из гостей, наполняло нарезанное крупными кусками мясо. Еще в одной миске был сыр. Каждому из гостей досталось по большому куску настоящего ржаного хлеба. Еще больше восхищения у старейшин вызвали наполненные забористым элем заморские серебряные кубки. Хозяин сидел во главе стола. Уго оказали особый почет, посадив рядом с Лембитом по правую руку. Кирьянс устроился в дальнем конце, вперемежку с другими старейшинами. Едва в кувшине заканчивался напиток, у стола появлялась девушка в дорогой праздничной одежде и мгновенно заменяла пустой кувшин полным. Хмельной напиток быстро ударил старейшине Мергеры в голову, а Лембит подливал вновь и вновь. Заметив это, Уго незаметным движением выплеснул очередной кубок на пол.

– Говорят, самые отважные воины живут в Мергерере. У тебя на груди славное украшение. Знатного врага надо было повергнуть, чтобы добыть такое, верно? – как бы невзначай обронил старейшина Ире.

По обычаю, гостя сначала следовало накормить, а уж потом расспрашивать. До этого момента комнату в основном заполняли звуки чавканья и сглатывания, перемежающиеся постукиванием по столу ножами, когда выуженный из миски кусок мяса оказывался слишком большим или жестким, чтобы его отдирать от кости одними зубами. Уго облизал с пальцев застывший жир и в очередной раз, не глотая напиток, обмакнул пышные усы в кубок. Звание старейшины Мергеры он носил много лет, в Ире бывал не раз, но на подобное пиршество здешний хозяин расщедрился впервые. При этом по какой-то причине Лембит явно выделял его среди остальных гостей. Не из-за этой же бляхи. Интересно, кем для своего народа был ее владелец?

– Чужаки лезут к нам со всех сторон. Скоро нашей отваги станет недостаточно. Тогда возьмутся и за остальных, – уклончиво ответил он.

Чавканье за столом стихало. Осознание необычности происходящего, похоже, понемногу стало приходить и в остальные хмельные головы.

– Народ ливов держится на силе и мудрости, – согласился Лембит, повысив голос так, чтобы его мог слышать каждый их старейшин. – Но нас слишком мало. Умная политика и торговля дают людям больше, чем война.

– Э, да о чем ты говоришь. В прошлом году купцов в Ире было больше, чем сейчас. Говорят, теперь их принуждают торговать только в Риге. И чтобы торговать, надо иметь товар, – подал голос со своего конца стола Кирьянс, и окружающие его старейшины одобрительно загу-

дели. – В лесах стало слишком мало дичи, земля не дает большого урожая. И еще надо набрать на пагаст! А чем кормить людей зимой?

– Но разве наши люди разучились ловить рыбу? Разве мало меда приносят пчелы с наших полей? Разве нам не хватает домашнего скота и птицы? И разве нашим мастерам нечего предложить людям? Не для того вы приехали сюда, чтобы вернуться домой с пустыми руками, разве не так? – спросил Лембит.

– Верно, верно! – поддержали его гости.

– Мы можем обойтись без чужеземцев. Пусть приходят купцы с товаром, остальные на нашей земле нам не нужны, разве не так?

– Верно, так и есть!

– У нас свои боги, зачем нам чужеземный бог?

– Верно! Пусть убирается в Германию!

– За что мы должны забирать у наших людей последнее и платить чужеземцам пагаст?

– Верно! Всем чужеземцам надо перерезать глотки!

– Особенно германцам.

– И литвинам тоже.

– Литвины приходят и уходят. А германцы пришли и остались. Им всего мало.

С кубком в руке Лембит поднялся на ноги. Щеки его пылали, голос зазвучал с новой, почти магической, показалось Уго, силой:

– Братья старейшины! За этим столом собрались самые мужественные и могущественные люди нашего края. Мы можем жить в мире с нашими добрыми соседями, с куршами. У них те же боги, что у нас. Мы понимаем их язык. У нас бывают споры с земгалами, но мы можем жить мирно и с ними. У нас один общий враг – германцы.

– Верно. Смерть германцам!

– Смерть! Смерть!

Голос Уго невольно присоединился к общему хору.

– Но мы не сможем победить их в одиночку.

Последние слова Лембита как будто охладил разгоряченные головы. Старейшины выжидательно замолчали, уже предощущая, что не на простую дружескую пирушку созвал их старейшина Ире. Лембит медленно оглядел каждого из присутствующих и сказал:

– Я говорил с посланниками куршей. Они собрали большие силы. Их корабли разбили германцев на море. Это было большое сражение, и германцы бежали с поля боя! Теперь курши предлагают совсем вычистить германцев с нашей земли. Разбить само змеиное гнездо. Взять Ригу. Германцы строят в Риге мощную каменную крепость. Брать ее надо сейчас, пока она не готова. И курши просят нашей помощи, чтобы уничтожить германцев. Всех до единого.

Лембит бросал в тишину короткие, как топором рубленые слова, и Уго почти физически ощущал, как они отражаются в его груди.

– Ливы! Воины нашей земли! Старейшины! Что ответим мы нашим куршским друзьям?

Старейшина вайдцев, больше всех разгоряченный выпитым, стукнул по столу кулаком так, что серебряные кубки со звоном подскочили вверх.

– Смерть германцам! Очистим наши земли от чужеземной погани!

Остальные одобрительно загудели.

– Не будем платить чужакам. Это наша земля!

– Тогда выпьем за победу!

Краснощекая девица еще раз обнесла напитками пирующих. Подливая в кубок Уго, она зацепила его тугим бедром, и старейшина ощутил, как горячая волна поднимается по его телу.

Лембит вновь поднялся с места.

– Друзья мои! Вы поддержали великое дело. Я склоняю голову перед вашей мудростью и вашим мужеством. Послы куршей ждут нашего решения. Один из нас должен будет говорить

от имени всех остальных. Пусть послы видят, что ливы один народ. Что в нужный момент мы готовы собрать силы в один мощный кулак. Что у нас есть вождь. И что остальные пойдут за ним. Выберем, по обычаю наших предков, такого человека прямо сейчас!

– Верно сказано! Выберем! – Кирьянс встал. Ноги его словно вросли в твердый глинобитный пол, но могучее тело покачивало, как лодку в штормовую погоду. Качнувшись несколько раз, он одной рукой ухватился за плечо соседа и, обретя наконец равновесие, другой рукой указал на сидящего рядом с ним старейшину. – Старше всех среди нас Вале. Его все знают. Пусть он будет нашим вождем и поведет наших воинов.

– Я? – Вале медленно поднялся и растерянно посмотрел вокруг. Редкие седые волосы свисали ему на плечи, сливаясь с седой бородой. Недавно еще широкие плечи опали, тело съезжилось, словно из него выпустили воздух, веко на левом глазе не поднималось. Когда-то громовой голос напоминал теперь шелест дождя. – Ну какой из меня вождь. Вести воинов должны те, у кого быстрые ноги и зоркий глаз. Моя слава гремела, когда я был молод, как Лембит, и мог сам выйти на битву против любого, кто захотел бы встать на мое место. Сейчас у меня видит только один глаз, и Мать ночи уже спускает на воду лодку, чтобы прийти за мной. Нет, война – это дело для молодых.

Искоса наблюдая за Лембитом, Уго заметил, как у его соседа удовлетворенно дрогнули губы. Старейшины были сыты и пьяны. Они сидели за столом Лембита, в его селении, самом важном в краю ливов. У него было много воинов и много лошадей. Все складывалось так, что сейчас старейшины выберут именно его. Такого момента упускать было нельзя. Уго поспешно поднялся с места.

– Мудрые слова сказал сейчас Вале. Мергера поддерживает его. Чтобы купить или продать товары мы приходим в Ире. Чтобы решить самые важные проблемы, мы приходим в Ире. Послы куршей тоже пришли сюда. Мы все знали отца Лембита, великого воина. Пусть сын продолжит его дело. Я голосую за Лембита!

– Верно! Питрог за Лембита!

– Санаг за Лембита!

– Ваиде за Лембита!

– Сикрог за Лембита!

– Ужкила за Лембита!

– Куолка пойдет за Лембитом.

Откричав свое, старейшины вернулись к трапезе, и только Лембит остался стоять у стола, возвышаясь над остальными.

– Спасибо, друзья мои. Я слишком молод для такого большого дела, но буду вашими глазами, вашими ушами и все решения буду принимать только с вашего согласия и только в интересах племени ливов.

Договор, по обычаю, скрепили пожатием рук, и Лембит провозгласил первое решение верховного вождя ливов:

– Каждый двор должен будет дать в войско одного мужчину с оружием и припасом еды на месяц. Каждое селение даст для похода две подводы с лошадьми и по одной лодке. Мы разделим наше войско на три отряда. Один займется лодками и обозом. Командовать им будет Кирьянс. Кто лучше него позаботится о том, чтобы у воинов было все необходимое для большой битвы? Мы пойдем пешком, но конный отряд из двух десятков всадников в дороге займется разведкой. Его поведет мой младший брат Велло. Главным отрядом будет командовать, – Лембит помедлил и, повернувшись к сидящему справа Уго, положил ему руку на плечо, – самый сильный из известных мне воинов, которого иногда сравнивают с самим Гуно – старейшина Мергеры.

Глава 16

Невеста

Когда старейшины расходились из гостеприимного дома, Лембит придержал только что назначенного воеводу за рукав.

– Подожди немного. Надо поговорить.

Уго вновь опустился на широкую скамью за столом. Голова шла кругом. Подлив себе эля в кубок, он дожидался, когда хозяин дома проводит последних гостей. После щедрого застолья старейшины больше не церемонились, хлопали друг друга по спинам, прощались с Лембитом долго и обстоятельно, но и в жестах их, и в звуке голоса уже проскальзывали нотки почти-тельности, как при обращении младшего к старшему. Наконец, трижды обняв на прощание Кирьянса, Лембит вернулся к столу и придержал взявшуюся за кубок руку Уго.

– Подожди. Выпить мы еще успеем. – Голос старейшины Ире звучал трезво, словно не он незадолго до этого провозглашал многочисленные тосты за будущую победу.

– Почему ты выбрал меня? – спросил Уго. Много лет назад на сходе в Мергере перед схваткой с отрядом литвинов Имаутс выкрикнул имя Уго, остальные воины поддержали его, воодушевленный Уго повел их в бой, в котором сам сразил главу отряда литвинов, стал после этого старейшиной и теперь прекрасно понимал, что означает назначение Лембита.

– Ты не такой, как все, – присевший было Лембит поднялся и возбужденно зашагал по просторной комнате. – Я заметил, как ты выплеснул эль из кубка. Мы мало знакомы, но ты быстро оценил ситуацию и первым назвал мое имя. Так поступают мудрые люди. А мне нужен мудрый соратник. Верный и сильный.

– Ты умеешь склонять людей на свою сторону, – согласился Уго. – Но битва за Ригу не будет простой. Говорят, вокруг нее выстроена каменная стена. Можно потерять много воинов.

– А разве мы не теряем их постоянно в битвах с литвинами или германцами? – Лембит вернулся за стол и напряженно взгляделся в глаза своего собеседника. – Это не просто битва за Ригу. У нас каждое селение стоит само за себя. Каупо объединил речных ливов. Он мог уничтожить германцев, но встал на сторону наших врагов. Германцы и литвины побеждают, потому что идут большой силой. Курши наши соседи, но они никому не дают спуска. Потому что всегда готовы выступить одной силой, с одним вождем. Если мы возьмем Ригу, сможем объединить всех ливов. Соседи будут нас уважать как великую силу. Только так наше племя может выжить. Разве это не великая цель? И во главе встанем мы с тобой.

– Тебя уже выбрали верховным вождем.

– Нельзя быть верховным вождем, если у тебя нет надежной опоры. Ты сам знаешь, что полагаться можно только на своих. На братьев и сестер, на детей, на близких друзей. Сегодня мы можем изменить судьбу ливов. Мы можем править с тобой вместе. Но ты должен стать моим братом.

– Твоим другом, – осторожно уточнил Уго.

– Братом!

– Братом? – Уго поерзал на скамье и ощутил, что у него пересохло во рту. Он глотнул из кубка и наконец посмотрел Лембиту в глаза. – Это как?

– А ты хитрец! – Лембит широко улыбнулся. – Но я все замечаю. Интересно, когда ты успел познакомиться с моей сестрой?

– С твоей сестрой?

– Ладно, ладно. Я же видел, как Лея прижималась к тебе, прямо рядом со мной. Что ж, это нормально, когда мужчина ищет себе жену в далеких краях. Ведь, я слышал, ты овдовел в прошлом году.

– Это правда. Мать ночи забрала мою Мату. Но я...

– Я понимаю. Ты не молод, но ты сильный мужчина. А из Леи получится хорошая хозяйка. У нее крепкие руки и широкие бедра. Она может принести тебе еще немало детей. И у нее веселый нрав. Мне жаль будет отпускать ее из дома. Но так наш союз станет намного прочней. И ты будешь моим братом. А теперь давай выпьем за объединение наших семей. И за будущее ливов.

– За будущее... брат!

Глава 17

Ювелир

После вчерашней пирушки голова Уго шла кругом. Ночью ему снился сон, что он попал в водоворот в глубокой и обширной реке, и вода крутит его так, что никаких сил не хватает вырваться. Но и выбираться из водоворота, несущего вдоль незнакомых, но таких красочных берегов не было никакого желания. Даже к манящей его с берега девушке, похожей на сестру Лембита, о которой вчера, после того как разошлись остальные старейшины, они говорили с новым вождем ливов больше, чем о предстоящей схватке с германцами. Уже просыпаясь от крика петуха, он еще пытался удержать в себе сон, чтобы увидеть, что ждет его за следующим поворотом, но видение улетучилось безвозвратно.

Встав с ложа, постеленного для него в доме Лембита, Уго выбрался наружу и направился к шатрам, размышляя, как лучше преподнести мергеровцам новость о предстоящей свадьбе. Само по себе это вполне соответствовало обычаям – невест молодые ливы подыскивали в соседних, а иногда и в отдаленных деревнях, и ярмарка в Ире подходила для этих целей как нельзя лучше. Но вместе с сообщением о свадьбе надо было рассказать и о предстоящей великой битве, и о том, что поведет объединенные силы ливов пусть не как главный военачальник, но как командующий главным отрядом именно он, Уго.

Первым навстречу ему из шатра выбрались Вальтер и опекающий его Иво, и при виде их он подумал, что чужеземец, кажется, и есть тот самый человек, с которым ему сейчас больше всего хотелось бы поговорить.

– Мы беспокоились о тебе, – поприветствовал его Иво. – Все старейшины вернулись к своим, и только ты остался в доме Лембита. Говорят, ты должен нам сообщить нечто важное.

– Не сейчас. Мне надо поговорить со скomorохом, – остановил его Уго. Он поманил за собой Вальтера и, не обращая внимания на разочарованный вид Иво, пошел по аллее мимо шатров к пробуждающейся к жизни ярмарке.

– Послушай, скomorох...

– Может быть, ты все-таки не будешь называть меня скomorохом?

– Что? – от удивления Уго даже остановился и посмотрел на своего спутника. – Но разве ты не сам говорил, что ты...

– Миннезингер. Или менестрель, если тебе удобней. Это совсем не то, что скomorох. И еще у меня есть имя.

– Вот как? Но разве ты не мастер веселить народ?

– Смотря что понимать под весельем. Я могу играть на гитерне и на флейте. Я пою песни, которые сам слагаю, о прекрасных дамах и о героях, о сражениях и наслаждениях. Я собираю истории и легенды и передаю их другим, в песнях или в сказаниях. Но я не пляшу и не кувыркаюсь на потеху публике, как это делают скomorохи на ярмарках.

– О прекрасных дамах? – озадаченно повторил Уго. – Это как?

– Ну... – Вальтер огляделся вокруг, губы его тронула довольная улыбка, и он указал на опушку леса.

– Ты слышишь, как поет соловей?

– Слышу, – подтвердил Уго. – Все птицы поют летом. Когда они замолкают, значит, кто-то крадется по лесу и надо быть начеку.

– Может быть. Никогда не думал о них с такой точки зрения. Это хороший образ, надо будет его применить... Извини, это я о другом. Соловьи поют, чтобы привлечь внимание подруг, с которыми они хотят – как бы это попроще сказать – хотят завести общее гнездо.

– Понял. Когда мужчина собирается привести к себе в дом жену, он делает невесте подарок, а потом ты поешь на его свадьбе. Так бы и сказал.

– Я не это хотел... Но, наверное, можно выразиться и таким образом, – с облегчением согласился Вальтер.

– Вот и прекрасно. Значит, ты сможешь сыграть и спеть на моей свадьбе. Сама свадьба пройдет в Мергере. Но сегодня брат невесты устраивает по этому поводу пир.

– На твоей свадьбе?! – изумленно воскликнул Вальтер. – Но ты... Но я... И пир будет сегодня? Почему ты не сказал этого раньше, когда мы шли сюда, чтобы я приготовился? Я мог сочинить песню, мне даже интересно сделать это на языке ливов. Как выглядит твоя невеста? Откуда она родом? Я хотел бы увидеть твою невесту, чтобы лучше понять ее образ. Как ее зовут?

– Я не помню, как ее зовут, – смущенно признался Уго. – Кажется, брат не назвал ее имени, или я его не услышал. Иногда мое левое ухо... Но это неважно. Последний раз я привел жену в дом много лет назад и не очень помню, как это было. Нужно, чтобы ты мне помог. Мне нравится твое предложение о песне. Ах да. В прошлый раз я подарил своей жене красивое ожерелье на шею. Она была очень рада. Пойдем, поможешь мне. Ты, похоже, лучше разбираешься в женских делах.

Ярмарка оживала. Накануне покупатели больше присматривались, сравнивали товар, дивились диковинкам, но покупать не спешили. Главная торговля начиналась сегодня. Купцы раскладывали товар, на кострах готовили еду. Ювелир, откинув полог шатра, усердно надраивал сверкающие поделки. При виде Уго он поднялся на ноги и довольно поскреб бороду.

– Я знал, что ты придешь. Не знал только, кто будет первым – ты или чужеземец.

– Чужеземец?

– Курш. Знатный воин, ходит со свитой. Говорят, сам Лембит встречал его с уважением.

– И он тоже хотел эти...

– Шахматы.

– Я согласен, – без дальнейших раздумий сказал Уго. Накануне он долго обсуждал с ювелиром и Вальтером достоинства игры, крутил в заскорузлых пальцах удивительные фигурки костяных воинов, взвешивал их в руке и только что на зуб не попробовал. Мудрый человек никогда не кинется в сделку, очертя голову. Поэтому в решающий момент он сам себе задал заготовленный впрок вопрос: для чего ему, седовласому мужику, нужны детские игрушки, и к великому разочарованию ювелира сказал, что еще подумает над его предложением. Но все это было вчера, когда он и представить себе не мог, что окажется вдруг женихом молодой красавицы, зятем вождя ливов и воеводой целого войска! С этого момента он ощущал себя так, словно в груди его кипит огромный котел и пар из-под крышки рвется наружу, требуя немедленных действий. Быстрых, решительных, точных.

– Согласен на что? – переспросил ювелир.

– На обмен.

– Обмен – великое дело. – Торговец провел рукой, приглашая внимательней обозреть его достояние: золотые и серебряные кольца, перстни с цветными камнями, цепочки, бусы, медальоны, фигурки из слоновой кости, серебряные кубки и тарелки. – Каждая из этих вещиц – изделие искусных мастеров. Некоторые сделаны совсем недавно и стоят столько, сколько стоит металл, из которого они изготовлены, и столько, сколько надо заплатить мастеру за его работу. Другие вещицы попали сюда из дальних краев. Они украшали руки вельмож или покоились на груди знатных дам, их дарили и отнимали, за них сражались и умирали. За каждой стоит давняя история, а история стоит дорого.

– К чему это ты клонишь? – насторожился Уго.

– Когда сразу два покупателя, каждый из которых великий человек в своей стране, хотят одну и ту же вещь, цена ее возрастает. Одной твоей бляхи на цепочке недостаточно.

– Но ты сам предложил такой обмен!

– Верно. Только это было вчера. Ты же не можешь сердиться из-за того, что сегодня светит солнце, хотя вчера шел дождь. Так и тут. Вчера мы могли поменять бляху на шахматы и закончить на этом. А сегодня...

– Что?! – Уго надвинулся на ювелира, и тот испуганно отступил назад. – Вчера не было дождя. А эта бляха принадлежала великому германскому воину. На ней крови больше, чем на всем твоим товаре. Не стоит добавлять к ней еще. Мужчина не должен отступать от своего слова. По нашим законам это карается смертью.

– Но...

– Ты пытаешься спорить с командиром главного отряда ливов?

Ювелир протестующе вскинул руки.

– Какой спор! Я и не думаю ни от чего отступать. Мне просто хотелось поговорить с мудрым человеком. Это нормально между людьми. Вот и ваш молодой спутник... Я уложу ваши шахматы в эту шкатулку и заверну в кусок кожи, чтобы их удобней было взять с собой в дальний путь. Шкатулка и кожа будут моим даром великому вождю ливов.

– Подожди. Прежде чем укладывать в шкатулку, ты должен научить меня, как ими пользоваться. Назвать их имена, рассказать о том, что они умеют.

– Гм, рассказать. – Ювелир озадаченно почесал затылок. – Прямо сейчас?

– Именно! Как запоминать имена воинов? Они все на одно лицо.

Задумавшись, ювелир прошелся по шатру, выглянул наружу и лишь затем повернулся к Уго.

– Для купца не имеет значения имя покупателя, если он не приходит к нему каждый день. Думаю, что и воеводе все равно, как зовут воина, которого он посылает в атаку на врага. Так я заворачиваю шкатулку?

– И еще подбери самое красивое ожерелье для моей невесты.

Глава 18

Состязание лучников

На поляне за торговыми рядами поставили забор из плотно стянутых связок сена, в землю перед ним врыли столбы. К двум из них прикрепили пни как мишени для метания топоров, на остальных разместили мишени для дротиков и стрел. Первыми, по обычаю, соревновались лучники. Перед началом основных состязаний свою удачу показывали подростки Ире. Немногочисленные зрители одобрительно гудели после каждого удачного выстрела или вздыхали в унисон, когда стрела вместо мишени врезалась в стену из сена. Но когда на поляну вышли взрослые лучники, торговые ряды заметно опустели, основная масса народа перебралась поглазеть на настоящие состязания.

После ночной схватки с германцами Иво ходил с гордо поднятой головой и выставлал напоказ добычу, снятую с поверженного меткой стрелой меченосца, – острый кинжал с крепким клинком. Вот и сейчас кинжал в ножнах, притороченных к расписному поясу, вызывающе свисал почти в центре живота. Схватки на мечах или топорах его не привлекали, да и какой в них был смысл, если врага можно одолеть на расстоянии, без бессмысленного риска? В ожидании начала состязаний он стоял среди мергеровцев, ревниво разглядывая вооружение соперников. Даже группа ирейских девушек на выданье, среди которых была и младшая сестра местного старейшины Лея, не вызвала у него в этот момент привычного интереса. Юноши, первый раз допущенные в ряды взрослых, нервно топтались на пятачке для стрельбы, сжимая в руках луки, доставшиеся им, как правило, в наследство от старших братьев, отцов или даже дедов. Опытные лучники скромно стояли в сторонке, луки у некоторых из них и вовсе были скрыты от любопытных взоров холщовыми чехлами.

Основная часть ливов использовала дротики. Настоящие лукоделы были не в каждом селении, секреты мастерства тщательно оберегали, передавая их от отца к сыну. Хороший лук стоил дорого, как хороший конь, позволить его себе могли немногие. С утра Иво долго рассматривал затейливый лук приезжего торговца. По словам смуглолицего купца с иссиня-черной бородой, закрывающей почти все лицо, мастер делал этот лук три года и три дня, тетиву из сухожилий диковинного заморского животного с одним рогом вымачивал в желчи подземного дракона и натягивал в полнолуние. Снаружи лук, сделанный из трех разных пород неведомого дерева, невероятно легкий и гибкий, покрывали искусные узоры. Узоры были даже на стрелах со сверкающими железными наконечниками, а кожаный колчан украшали разноцветные камни. Но и цену за лук купец запрашивал невероятную, и Иво, взвесив лук и потрогав тетиву, без особого сожаления отложил изделие заморского мастера в сторону: такое оружие хорошо было бы повесить на стену дома для украшения, чтобы показывать его соплеменникам по праздникам. Стрелять лучше из лука, изготовленного отцом, когда Иво только появился на свет, или из одного из тех, которые он создал собственными руками.

– Эй, а я тебя помню, – позвал затесавшийся в группу зрителей по соседству парень с дротиком в руках. Лицо его показалось Иво знакомым. Кажется, он видел его во дворе Лембита. Парень широко улыбнулся и придвинулся ближе. – У тебя знатный нож. Не продашь?

– Он не продается. Это моя добыча.

– Вот как? – парень с сомнением оглядел Иво, словно проверяя на прочность его слова. Откуда могла взяться военная добыча у юного лива в мирное время? – Ты из Мергеры, верно? Это ваш старейшина ходит с красивой бляхой.

– Уже нет.

– Нет? Я думал...

– Он обменял ее. На маленьких воинов.

– На что?! Кому нужны маленькие воины!

– Ну, они не совсем воины. Они вырезаны из кости животного с хвостом на носу. И ходят по деревянной дорожке. По клетчатой дорожке, – попытался объяснить Иво.

– А, я понял. Ты так шутишь. Говорят, в Мергере много шутников.

– Нет, какие шутки. Я правду говорю. Фигурки воинов это такая игра. Только не совсем.

– Не совсем такая игра? Ваш старейшина поменял дорогую бляху на детские игрушки? – парень с дротиком озадаченно почесал голову, и Иво вспомнил, откуда он знает собеседника. Это он определял, кто допускается в гости к старейшине Ире, а кто нет, младший брат Лем-бита. Сделка у ювелира привела в замешательство и самого Иво, а попробуй это объяснить постороннему человеку. К счастью, в этот самый момент глашатай объявил о начале соревнований, и Иво с нескрываемым облегчением присоединился к группе ожидающих своей очереди лучников.

Первым стрелял низкорослый воин из Ваиде с сильно выпуклыми, как у болотной жабы, глазами. Соперников было немного. Каждая из деревень выставила по одному лучнику. Стрелы, чтобы избежать лишних споров, поместили особыми знаками. До первой из мишеней было пять десятков шагов. Ваидец неловко потоптался на месте, словно раздумывая, стоит ли ему, лучшему лучнику деревни, выставляться здесь на потеху толпы, потерял расписной колчан, и только тогда, подбадрываемый нетерпеливыми возгласами публики, приступил к делу. Две стрелы пучеглазого поразили мишень, но третья вошла в стог сена, и зрители недовольно загудели, а одна из девушек звонко рассмеялась. Лицо стрелка покрылось красными пятнами, он осуждающе посмотрел в сторону смеющейся девушки и покинул площадку.

Следующие лучники выступали успешней. Узкоплечий воин из Санага с длинными золотистыми волосами, свисающими почти до середины спины, воткнул три стрелы одну над другой по почти безупречной линии, заслужив одобрительные возгласы зрителей. Еще больше удивил стрелок из Куолки. Движения его рук были почти неуловимы, а стрелы вылетали с такой скоростью, что третья из них слетела с тетивы в момент, когда первая только втыкалась в мишень, а вторая еще находилась в воздухе на полпути к цели. Все они попали в мишень, хотя и не в центр круга. В толпе раздались восхищенные крики. Иво долго учился такому трюку дома, пока не понял, что точность полета стрелы при этом заметно страдает. Хороши были и лучники из Сикрога и Ужкилы. Все их стрелы впились близко к центральному кругу. Окажись на месте мишени косуля или утка, охотники вернулись бы домой со знатной добычей. А потом на площадку вышел курш.

Принадлежность его к воинственным соседям определить было несложно. Короткая темная туника на выпуклой, сильно выдающейся вперед груди была покрыта маленькими бронзовыми бляшками, грудь также наискосок пересекала расшитая серебряными бляхами лента, запястья украшали металлические браслеты. С шеи свисали янтарные бусы. Золотистые, как осенняя рожь, волосы на лбу стягивала льняная лента. К куршам ливы относились настороженно. Прямые стычки между соседями в последние годы случались редко. Корабли могущественных куршей без раздумий вступали в морские схватки с германцами, часто выходя из них победителями, и уже одни слухи об этом вызывали у ливов одобрение. Но и пословицу они не забывали: «Хорош сосед, пока видишь его издалека».

Курш снял чехол с высокого, выше его роста, лука, достал из колчана стрелу, упер нижний край древка в землю и натянул тетиву. Каждое его движение было неторопливым и размеренным, как у мастера, хорошо знающего свое дело. Первая его стрела глубоко вошла чуть выше центра мишени. Курш нахмурился, недовольно покачал головой и новую стрелу вогнал уже не с прежней силой, но в самый центр. Довольная улыбка тронула его губы. Он вновь натянул тетиву, и третья стрела вошла в малый промежуток между первыми двумя. Зрители восхищенно загудели. Курш победоносно окинул взглядом собравшихся, с трудом выдернул

из мишени глубоко застрявшую стрелу и отошел в сторону в ожидании неминуемой награды. И тогда наступила очередь Иво.

Юноша, подобно куршу, скользнул взглядом по зрителям, уже никого не различая в отдельности, подошел к линии стрельбы и достал из колчана стрелу с вплетенной в оперение цветной нитью. Боковое зрение затуманилось, мир вокруг словно перестал существовать и превратился в маленький черный кружок в центре мишени, по которой осенними мухами разместились отметины от стрел его предшественников. Легкий ветер тянул со стороны моря, и Иво ощущал его ласковое прикосновение левой щекой. Солнце припекало по-летнему, воздух был сух. Значит, и тетива будет более упругой, чего при первом выстреле не учел курш. Множеству подобных премудростей отец обучал его с детства, и долгое время Иво перед каждой стрельбой повторял их для себя, пока понимание состояния погоды не стало таким же естественным, как умение ходить или дышать. Сделав медленный вдох, Иво натянул тетиву, не думая уже ни о чем. Даже о том, почему среди зрителей нет старейшины Мергеры.

Глава 19

Капитул

Капитул собрался в полдень. Альберт вошел, когда все двенадцать членов капитула уже сидели за длинным монастырским столом, предназначенным для трапез. И сейчас перед ними стояли кувшины, кубки, и в больших тарелках разложены ломти ржаного хлеба и сыр. «Почти как на Тайной вечере», – внезапно подумал он и тут же устыдился собственной мысли. Не пристало ему, рабу Божью, хоть и облаченному в высокий епископский сан, даже в мыслях сравнивать со святыми апостолами этих... этих не самых достойных перед лицом Господа Бога людей. Келарь Маркус всего за два года приобрел мало подобающую монаху осанку, раздался телом и наел заметное брюхо. При виде епископа он тщетно пытался втянуть двойной подбородок в складки необъятной шеи. А ведь всего несколько лет назад это был тощий и чрезвычайно подвижный юноша с внимательными и честными воловьими глазами, постоянно устремленными на епископа в рабской готовности отреагировать на малейшее движение бровей. Почему, стоит доверить монаху кладовую со съестными припасами, он воспринимает это как первейшее право на набивание собственного желудка? Да и камерарий Густав, хоть и сохранивший былую костлявость и даже впалость щек, выглядел иначе – Альберт не сразу понял, в чем именно, но, приблизившись вплотную, распознал особое качество ткани для сутаны ведающего церковными финансами клирика. Какие уж там апостолы! А вот Иуда тут мог бы, наверное, найтись не один. Альберт коротко пробежал взглядом по казначею, по декану, ритору и кантору, коротко остановил взгляд на выделявшемся статье рыцаре Данииле, на уважаемых попечителях церкви – бюргерах, неплохо заработавших на городских подрядах. Капитул призван был контролировать деятельность епископа и давать советы, но почти за каждым из его членов водились хорошо известные епископу грешки, и слово «контролировать» плавно и почти незаметно переплавлялось в слова «помогать» и «исполнять». Но и расслабляться с ними не стоило. Как со стаей собак. Пока их подкармливаешь, виляют хвостом и заглядывают в глаза, но оставь их голодными – на части разорвут.

– На работах по укреплению городской стены не хватает людей, – сразу перешел к делу он. – Чем заняты монахи и пилигримы?

Декан поспешно поднялся со своего места.

– Ваше преосвященство, мы чрезвычайно рады видеть вас на собрании капитула, хотя и не ожидали вашего присутствия сегодня...

– Это лишнее, – нетерпеливо махнул епископ. – Обойдемся без церемоний. Я задал вопрос.

– Видите ли, – декан, главный ревнитель устава и дисциплины монахов, выглядел смущенным, – братья Георг и Янсон сегодня ночью в сильном подпитии забрались на кухню, съели мясные пироги, предназначенные для всего братства, и заснули на месте преступления. Им назначено наказание – пост и чтение Псалтыря.

– Отменить.

– Но...

– Отменить и послать в помощь каменотесам. Далее.

– Пилигрим Курт...

– Я знаю о пилигриме Курте. Он занят на самых важных сегодня для города работах. Что остальные?

– Пятнадцать пилигримов, простолюдинов из Бремена, прибывших с вашим преосвященством, нашли занятия у городских ремесленников. Они...

– Понятно. Продолжай.

– Восемь пилигримов выразили желание стать священнослужителями и готовы принять постриг. Они говорят, что ваш пример, ваше преосвященство, вдохновил их, и...

– Детали не важны. Кто из вновь прибывших готов принять обет послушания в ордене братьев рыцарства Христа и идти в поход на покорение язычников?

– Только Иоганн! И три рыцаря с Готланда, – рыцарь Даниил возбужденно вскочил с места. – Это неслыханно! Если у нас не будет сильного войска, кто защитит от нападений язычников прибывающих к нам купцов, саму Ригу, кто принесет дань с подвластных нам поселений? Нам нужны новые земли. Если мы не нападем на наших врагов первыми, у нас постепенно отнимут все! Новых пилигримов слишком мало. И они охотнее идут на постройку домов для бюргеров или в священники, чем на ратные дела.

– Я привез столько пилигримов, сколько удалось привлечь. Еще несколько очень достойных рыцарей должны прибыть примерно через две-три недели. Но и священники нужны для наставления язычников на путь истинный, – напомнил епископ. – Они тоже воины Христовы и в нужный миг могут нести не только крест, но и меч. А что брат Иоганн?

– Ну, этот, пожалуй, единственный из вновь прибывших, готов пойти куда угодно. Он живет в монастырской келье, пока меченос... простите, братья рыцарства Христа занимают все места в dormitorio. Но их послушание окончилось, они вот-вот покинут Ригу. Кто встанет на их место?

– Разве на город готовится нападение? Тебе что-то известно? Если орден не готов защитить город, пригласите на время отряд из ближайшего замка. Из Икскюля, например. – Скрывая раздражение, Альберт пригубил слабое церковное вино из серебряного кубка и промокнул губы рукавом сутаны.

– Боюсь, это будет не так просто сделать, ваше преосвященство. Отряд рыцаря Рейнгольда исчез без следа. Вокруг Риги слишком много язычников. Ливы считаются нашими союзниками, но верить им нельзя. Когда они говорят на своем языке, кажется, что они плетут заговор прямо при тебе. О чем они говорят? Даже Каупо, который каждый день клянется в верности, боится высунуть нос из Риги, чтобы его не порешили свои же. Надо запретить им говорить по-своему. Хотя бы в том случае, если рядом находится кто-то из истинных христиан нашей Священной империи. Почему бы вашему преосвященству не издать такой указ?

– В казне осталось мало денег, – заполнил короткую паузу камерарий Густав. – Городская стена плюс церковная утварь вытягивают последние марки. Я не знаю, как заплатить за следующую поставку продовольствия для монахов. Податей не хватает. Что, если ввести налог на использование в Риге варварских языков? Мы очень надеялись на помощь короля Филиппа. Не все рыцари, получившие церковные земли в ленное владение, доставили причитающиеся десятины.

– Но литы разорили моих крестьян, – опять вскочил рыцарь Даниил. – А я не мог их защитить, потому что был в походе против эстов. Надо дожидаться сбора нового урожая. Ваше преосвященство должно меня понять.

– Говорят, этот поход был весьма успешным! – возмутился камерарий. – А что получила церковь?

– Две трети, как положено. Или вы обвиняете меня в укрытии...

– Стойте, стойте, дети мои, – возвысил голос епископ, прерывая разгорающуюся перепалку. Идея создать орден братьев рыцарства Христа была его, но создали орден, когда сам епископ был в Бремене, и с первых же дней новоявленный магистр проявил строптивый нрав. С тех пор как орден получил треть от завоеванных угодий, жажда наживы в нем только усилилась. Ленные владельцы замков богатели и что-то наверняка утаивали лишнее, но обострять отношения с ними было не с руки. Так же, как и с местными племенами. – Я согласен с вами. Время у нас выдалось не простое. Но давайте вспомним, с чего мы начинали и чего достигли нашими усилиями! Племена вокруг нас платят подати уже не полоцкому князю, а нам. Рига

растет. Бременское архиепископство расширяется, сам Папа Иннокентий следит за нашими успехами и готов предоставить нам больше прав. В Ватикане нас уже называют Ливонским епископством, Рига получит права свободного города, и это вот-вот будет закреплено папской буллой. Зачем дразнить ливов запретом языка? У нас с ними заключен мир. Кто из них пойдет против нашей церкви, когда их сыновья находятся в Германии и уже стали там ревностными католиками? Из них получатся отличные проповедники. Каупо с нами уже много лет не по принуждению, а потому, что своими глазами увидал Рим и сердцем осознал ничтожество языческой веры. Конечно, мы не можем отвезти в Рим каждого язычника. Но в наших силах другое.

Епископ сделал паузу, вновь оглядел членов капитула и, только убедившись, что овладел их безраздельным вниманием, провозгласил:

– Мы должны принести Рим сюда, в Ригу! Мы должны выстроить ее так, чтобы каждый язычник, подобно Каупо, ощутил все величие Господа! И для этого потребуются ваши благотворные усилия. Дело найдется для всех рижских и заезжих ремесленников, для пилигримов и бюргеров, для рыцарей и священнослужителей. Мы построим в Риге великий собор во славу святой Девы Марии! Чтобы он был виден издали, ни у кого не оставляя сомнений, кто хозяин на этой земле. Чтобы каждому жителю Риги нашлось в нем место и в будни, и в праздники. И я смиренно прошу капитул поддержать это благое начинание.

Некоторое время в трапезной висела напряженная тишина. Потом камерарий Густав поднялся с места и робко поправил епископа:

– Ваше преосвященство, наверное, оговорилось. Прошлый раз вы говорили о соборе Святого Якоба, под него уже определено место, сразу за городской стеной...

– Я помню, о чем мы говорили на собрании капитула перед моим отъездом в Бремен. – Смешавшись под горящим взглядом епископа, камерарий поспешно опустился на место. – И я не сказал, что новый собор должен строиться вместо задуманного ранее. Каждое слово, принятое нами в этих стенах, должно быть законом и для нас, и для наших потомков. Помните об этом. Место найдется всему.

– Замечательная мысль, ваше преосвященство. – Высокий и костистый бюргер, один из главных поставщиков камня для городской стены, возбужденно вскочил на ноги и расцвел в широкой улыбке. – Нам тоже недостает величия храмов Римской империи. Такой собор достоин лучшего камня. Я как раз открыл новое месторождение прекрасного доломита под Ригой... но мы можем доставить и настоящий римский гранит! Собор должен быть возведен из камня, нельзя подвергать его риску пожара.

– На моем складе лежит мореный дуб. Пять лет его продержали в морской воде. Он крепок, как стальной клинок, и его не возьмет никакой огонь, – моментально воодушевился еще один бюргер.

– Но казна...

– Строительство огромного собора займет годы, – успокоил казначея епископ, понимая, что характер речи пора изменять таким образом, словно полное одобрение капитула уже получено. – Вся Ливония внесет в него свою лепту. Только великие идеи объединяют государство. Мы найдем средства. Рига должна стать главным центром торговли. Будет торговля – будут деньги.

Камерарий в возбуждении вскочил на ноги.

– Это мудрая мысль, ваше преосвященство. Вчера и сегодня пришли три купеческих корабля. Обложим их новым налогом! Мы быстро пополним казну. С вашего соизволения, я подготовлю указ.

– Мое соизволение я могу высказать сам.

Епископ поднялся с места, отставил сжимающую епископский посох руку далеко вперед и наконец озвучил давно занимающую его мысль:

– Нельзя жить сегодняшним днем, каким бы заманчивым это ни казалось. Жизнь купца не проста. Во время моих путешествий я много беседовал с ними. На море их поджидают пираты, в лесах разбойники. Товар портится от жары или влаги. Если мы возьмем еще денег с иноземных купцов, мы наполним казну сегодня, но завтра купцы разбегутся от нас, и мы их никогда больше не увидим. Мудрый человек привлекает, а не отталкивает. Лучше дадим им новую привилегию и освободим их от налогов и сборов полностью. Свободный порт свободного города. Пусть весь мир едет к нам!

Альберт сделал паузу, внимательно наблюдая за лицами присутствующих. Глаза камерария широко раскрылись от удивления, рот приоткрылся, он, казалось, потерял дар речи. Глядя на главу капитула, остальные клирики покорно склонили головы. Рыцарь Даниил, удовлетворенный тем, что внимание с него переключилось на другую тему, равнодушно пожал плечами. Ордена прихоть епископа никак не касалась, зачем благородным рыцарям вмешиваться в дела торговцев? В большом смятении находились лишь бюргеры. Судовладелец Гогенфауер с трудом оторвал от скамьи дородное тело и прокашлялся.

– Ваше преосвященство высказало весьма здравую мысль. В иноземных портах с моих кораблей дерут неслыханные пошлины. Да и здесь платить приходится немало. Думаю, городской совет поддержит эту идею. Беспошлинная торговля пойдет нам на пользу.

– Да и наши поставки камня...

– И леса, – оживились бюргеры.

Альберт требовательно постучал посохом по полу, призывая к тишине. Обострять отношения с городским советом было не с руки, но дай им волю – и церковь пойдет по миру.

– Не все сразу. Беспошлинная торговля коснется только заморских купцов. Чем больше они привезут сюда своих товаров, тем больше заработает каждый из вас. На что вам жаловаться? Я понимаю озабоченность магистра и рыцаря Даниила нашей безопасностью. Одних крепких стен может оказаться недостаточно. Пилигримов, действительно, слишком мало. Каждый бюргер должен быть готов встать на защиту города. Наши рыцари могли бы взяться за их обучение. Понемногу, по уроку каждый день, чтобы ни у кого не пострадали их дела. Надеюсь, магистр прислушается к совету капитула.

– Я тоже надеюсь! – Рыцарь Даниил вскочил с места и победно оглядел присутствующих. – Мои люди и я сам с удовольствием возьмем любого, кто готов научиться обращению с оружием.

Декан протестующе поднял руку:

– Но монахи должны...

– Среди них немало крепких мужчин!

– Достаточно, дети мои, – вновь призвал к спокойствию Альберт. – Спасибо всем за поддержку и понимание. И напоследок... Вы знаете, как язычники почитают своих богов в день солнцестояния, даже те из них, которые называют себя христианами. Люди любят величие и любят праздники. Почему бы и нам не устроить праздник, чтобы недавние язычники уже сейчас ощутили христианский размах. Праздник с музыкой, с театральным представлением, с роскошной ярмаркой. Пусть лицедеи воспоют наши замыслы. Я слышал, перед моим отъездом у нас объявился замечательный миннезингер. Привлеките его, пусть он займется праздником. Приведите его ко мне, я сам поговорю с ним.

– Боюсь, это невозможно, ваше преосвященство, – ответил рыцарь Даниил. – Миннезингер был в исчезнувшем отряде уважаемого рыцаря Рейнгольда.

Глава 20

Награда

Первая стрела с приглушенным всхлипом вонзилась в центр мишени. Восторженных криков толпы Иво не слышал. Ни один звук за исключением этого характерного всхлипа не проникал сейчас в его сознание. Неспешным размеренным движением он вытянул из колчана новую стрелу и в прежнем ритме послал ее вслед за первой. Всхлип повторился, но с примесью еще какого-то звука, словно сама мишень добавила к нему восторженный присвист, удивляясь двум точно вошедшим в самый ее центр древкам. Но когда между ними вклинилась третья стрела, любые другие звуки погасил рев торжествующей толпы.

Первыми к Иво рванулись девушки, и он, еще не до конца осознав радость своей победы, растерянно смотрел, как на его шею водружают искусно сплетенный венок, как его подхватывают и ведут куда-то сильные девичьи руки, как брат Лембита совместно с убеленным сединами старцем, когда-то легендарным ирейским лучником, называют его лучшим стрелком года и как стайка девушек в белых одеяниях отводит его в сторону, за спины увлеченных новыми состязаниями зрителей для вручения главного приза.

– Эй, вы что делаете? – встревожился он, заметив, как девушки забирают из его рук лук, расстегивают пояс с кинжалом и колчаном, а затем начинают стягивать с его плеч верхнюю туннику. – Это же... Разве...

– Расслабься. Ты уже победил! – расхохоталась одна из девушек. Щеки ее покраснелись, чепчик из-за неловкого движения сбился набок, выпустив наружу копну золотистых волос, губы скривились в забавную гримасу. – Или ты хочешь отказаться от главного приза?

– Нет, но...

– Тогда подними руки, – потребовала сестра Лембита.

– Я...

В тот же миг он оказался без туники, следом за которой последовала пропахшая потом нательная рубаха. Девушки повалили его на спину и содрали с ног сапоги. Когда пришла очередь холщовых штанов, он уже окончательно покорился ожидавший его церемонии.

– А ты красавчик! – сказала одна из девушек.

– Интересно, он такой же меткий, как его хозяин? – подхватила другая, и девушки захихикали.

– Залезай сюда, – велела Лея, и Иво послушно переступил через край заполненной водой кожаной полости. Под полуденным солнцем вода в полости нагрелась, и юноша, опустившись в нее по пояс, спрятал наконец смущающую его наготу. На площадке началось метание дротиков, зрители вновь оживленно загомонили, и две девушки, перемигнувшись, кинулись поглазеть на новых героев дня. С Иво осталась одна Лея. Присев рядом на корточки, она намочила мягкую ткань и взялась обтирать его спину и плечи. Вода плеснула ей на грудь, и под намокшей тканью отчетливо проступил набухший сосок. Иво бросило в жар.

– Ты раскаленный, как печь. Такими бывают после схваток на мечях. Неужели так можно нагреться от трех выстрелов?

– Не знаю. Я...

Лея потянулась за новой порцией воды, грудь ее колыхнулась, и у Иво перехватило дыхание.

– Я...

– Ты – что?

– Я... Ты... Ты такая...

– Какая такая?

– Скажи, ты согласна поехать в... Мергеру? – неожиданно для самого себя предложил он. Лея проследила за направлением взгляда Иво, прикрыла ладонью проступающий сосок и поднялась на ноги.

– Ну, в общем... да. А куда мне деться? Парни из Мергеры уже выбрали двух моих друзей. Вместе нам не будет скучно. Согласна.

– Правда? И ты... – Иво начал подниматься из полости, но вспомнил, что на нем ничего не надето, и поспешно опустился обратно. – Тогда...

– Эй, а почему ты здесь одна?

Иво повернул на голос голову и увидел приближающегося к ним быстрым шагом младшего брата Лембита. На щеках его проступали красные пятна, голос звучал возмущенно.

– Где твои подруги? Разве победителя не положено омыwać втроем?

– Они только что были здесь, Велло. Только что. Они побежали взглянуть на метателей дротиков. Там выступает брат Ванги, и она...

– Я знаю, кто ее брат, – оборвал Велло. – Только негоже невесте знатного воина и моей сестре оставаться наедине с холостым парнем. Даже с таким, как Иво!

– Хорошо, только не сердись. Я позову девушек.

– Позови. Или нет, лучше останься с ними. Скоро там образуется еще один победитель, которому потребуются ваши услуги. А наш герой свой приз уже получил, верно, Иво?

– Получил, – растерянно подтвердил юноша. Слова «невеста знатного воина» еще звучали в его ушах, наполняя сердце никогда ранее не испытанной гордостью. Даже недавняя победа в стрельбе не принесла ему столько радости. Что ж, значит и Леи будет чем гордиться. Уже завтра он потихоньку уведет ее с родного двора, чтобы с триумфом присоединиться к уходящему домой каравану. И тогда... Глядя вслед уходящей девушке, он спросил: – Ты сказал – невесте. Откуда ты знаешь? Я еще только...

– Откуда? – хохотнул Велло. – Я же ее брат, не забыл? Да вся Ире только об этом и говорит! Наша сестра, моя и Лембита, станет женой воеводы из Мергеры. Мы станем самым могущественным семейством среди ливов! А когда захватим Ригу...

– Воеводы? Старейшины Мергеры? Захватим... – словно ушат ледяной воды внезапно обрушился на юношу, и он ошеломленно застыл, отказываясь принимать происходящее.

– Ш-ш-ш! – Велло испуганно огляделся и, убедившись, что их никто больше не слышит, подошел к выбравшемуся наконец из купели Иво вплотную. – Я тебе ничего не говорил. Это секрет. Большой секрет. Только ты и я. Договорились?

– Хорошо.

– Тогда пожмем руки?

– Ну...

– Держи! – Велло крепко обхватил ладонь Иво и, пристально глядя ему в глаза, сказал: – Теперь ты мне будешь почти как брат. Мы должны держаться вместе. Старики уйдут, и мы встанем на их место. Помни об этом. И, может быть, это твоя стрела пронзит сердце епископа Альберта. Или мой меч!

Глава 21

Дорога домой

На следующий день с рассветом выступили в обратный путь. Лея шла в центре каравана, с другими девушками. Озабоченный новыми обязанностями, Кирьянс держался как можно ближе к Уго.

– А что будет, когда возьмем Ригу? – Кирьянс задал наконец вопрос, который мучил и Уго. Второй день на ярмарке для него прошел в хмельном угаре. И не только от выпитого на новом пиру, на котором Лембит объявил о предстоящей свадьбе его сестры Леи. Имя ее Уго больше не забывал. Он преподнес в дар невесте ожерелье, она в обмен одарила его кинжалом с украшенной янтарем рукояткой, он с восхищением, по-хозяйски, оценил ее пышные, хотя и скрытые праздничными одеждами, формы, и на этом их свидание окончилось. Мужчины ходили возбужденными, пробовали на крепость и остроту быстро раскупаемое оружие, примеряли боевые доспехи, подолгу ощупывали лошадей, отдавая предпочтение тем, что годились не для сохи, а для битвы. Запасались мукой и солью, вопреки обыкновению, почти не обращая внимания на заморские диковинки. Опытный соглядатай легко мог заметить, что ливы готовятся к чему-то необычному. В пылу событий Уго пропустил даже традиционное воинское состязание, на котором в былые годы не раз завоевывал главный приз за метание топора. Но теперь первое возбуждение прошло, мысли перескакивали с одного дела на другое, по дороге домой следовало привести их в должный порядок. Как будет делиться добыча? Сколько соплеменников не вернется домой после решающей битвы? Кто останется охранять Ригу, чтобы германские корабли не навезли новых, злых, как осенние мухи, меченосцев? Кто будет решать все эти вопросы, ливы или курши? А ведь в Ригу, как сказал посол, войти должны будут еще и земгалы, и латгалы. Разве не они выдавили ливов из их исконных земель в прошлые времена? Не привело бы все это еще к большим раздорам между соседями. И еще предстоящая свадьба. А при мыслях о встрече с веселой вдовой Евой, о которой он немало помышлял в последние месяцы, и не только помышлял, если вспомнить ночь после захвата германского корабля, и вовсе становилось нехорошо.

– Только боги могут заглянуть в будущее. И мы еще ничего не взяли, – ответил он.

– Говорят, король куршей Ламекин не очень-то ласков с чужеземцами. Под ним ходит Бандева, Вентаве, Пиемаре. Но ему мало этого. Лембит сказал, надо дать по воину с каждого двора. Кто будет защищать нашу землю, если нападут литвины?

– Мы пожали руки, – напомнил Уго.

– Это верно, – вздохнув, согласился Кирьянс. – Ты теперь большой человек и лучше понимаешь, что надо делать. Лембит поручил вести войско тебе. Я просто думаю, кого именно отправлять в поход. Мы с тобой говорили о твоей дочери и моем сыне. Если уйдут лучшие, кто принесет нам внуков? Но ты прав. Только богам дано заглядывать в то, что будет. А они не очень-то разговорчивы.

– Как знать, – не сразу отозвался Уго, размышляя над словами ювелира, и для уверенности потрогал притороченную к седлу поклажу с таинственной шкатулкой. – Как знать.

Лея, как и полагается невесте, даже в дорогу оделась по-праздничному. Шерстяная юбка плотно обтягивала ее раскачивающиеся бедра, голову украшал чепец, стянутый спереди узорчатой серебряной пластиной, в волосы были вплетены многочисленные нити с кольцами и серебряными монетами, с плеч свисал разукрашенный разноцветными кистями платок, а руки в несколько оборотов змейкой обвивали серебряные браслеты. В центре каравана было весело. В сердцах молодых воинов пенистой брагой бродило предощущение грядущей битвы. Гово-

рить об этом до поры до времени воспрещалось, и запрет этот будоражил еще больше. Они перекидывались шутками, кружили вокруг новоиспеченных невест, как мухи вокруг меда.

Только Иво не участвовал в общем веселье. С момента омовения в кожаной полости воспоминания о нежных руках девушки не оставляли его. Будь боги к нему более благосклонны, Лея досталась бы ему, и только ему! Поймав его взгляд, она широко улыбнулась, шепнула что-то идущей рядом с ней девушке, тоже невесте одного из молодых мустанумцев, и они звонко рассмеялись. Иво, смешавшись, отвел взгляд. Все было не так, и Мать плодородия сделала неправильный выбор. Рядом с Леей Уго выглядел совсем старым. Почему боги не отдали девушку ему, лучшему лучнику среди ливов? Но все, конечно, опять произойдет не так, как правильно, а как предусмотрено древними обычаями. А все, что досталось ему, – это присматривать, по поручению Уго, за невестами и плененным скоморохом.

Он немного ускорил шаг, чтобы оказаться ближе к своему подопечному. Тот шел, странным образом помахивая в каком-то только ему одному ведомом ритме тоненькой березовой веткой, и что-то бормотал себе под нос. Вглядываясь в Вальтера, Иво поравнялся с девушками, и в этот момент Лея, споткнувшись о выпирающий посреди тропы корень сосны, качнулась и, падая, ухватилась для поддержки за Иво. Девичья грудь на миг прижалась к плечу юноши, Лея рассмеялась, и он, мгновенно охваченный жаром, совсем как в кожаной купели, бросил настороженный взгляд в голову каравана, где верхом на неспешно вышагивающем коне ехал старейшина. В какой-то миг ему показалось, что Уго смотрит в его сторону, но голова новоиспеченного военачальника лишь качнулась в такт движению лошади и вновь явила взору юноши массивный затылок, перехваченный кожаной лентой, сдерживающей копну длинных, тронутых сединой волос. Облегченно вздохнув, Иво догнал миннезингера и дернул его за рукав.

– Ты говорил, что поешь песни о героях и прекрасных дамах, но на пиру в честь нашего старейшины ты только играл на этой дудке и еще на этом инструменте.

– На флейте, – уточнил Вальтер. – И на гитерне.

– Хорошо, на флейте. Но не пел. Почему? А сейчас ты размахиваешь этой тростинкой.

– Видишь ли, я не думал, что вашим людям будет интересно слушать песни о рыцарях на германском или на языке франков. Музыка звучит одинаково на всех языках. А чтобы сочинить песню на языке ливов, мне надо больше узнать о ваших обычаях и ваших героях. Думаю, к свадьбе в вашем селении я уже буду готов. Ты спросил, почему я размахиваю тростинкой? Я как раз сочинял песню и музыку, пока ты меня не прервал.

– Ты сам придумываешь песни и музыку? – Иво изумленно уставился на миннезингера.

– Ну, да. Что в этом удивительного?

– Я еще никогда не видел человека, который придумывает песни. Мне казлось, что они были всегда. А ты можешь научить этому меня?

Вальтер легко рассмеялся.

– Можно ли научить воду течь? Или научить солнце греть землю? Я могу объяснить, как играть на музыкальном инструменте, но придумывать песни и музыку – это Божий дар, с ним надо родиться.

От возмущения у Иво участилось дыхание.

– Но я тоже придумываю!

– Извини, я не знал. Тогда ты, может быть, споешь? У нас дальний путь, и хорошая песня...

– Я придумываю не песни!

– Нет? А что же тогда?

– Я придумал, – Иво гордо указал на свою грудь, – как стрелять ночью из лука, чтобы полет стрелы был виден! И как сделать, чтобы тетива не размягчалась от воды!

– Вот как? – Вальтер оттянул руку с прутком, словно готовясь выстрелить из незримого лука, и улыбнулся. – Это, конечно, интересно, хотя я не очень понимаю, зачем нужно видеть

полет стрелы. Разве воины сражаются в темноте? А, ты, наверное, говоришь об охоте! Но это не совсем то, о чем я говорю. Хотя, если подумать... Наверное, это тоже дар Божий.

– Никто мне ничего не дарил, – обиделся Иво. – Отец научил меня, как делать луки по старым обычаям. Светящиеся стрелы и ненамокающую тетиву я придумал сам! И не только это. Для меня это легче, чем говорить с девушками. Каждый раз они слышат не то, что я хотел сказать. Научи меня придумывать песни!

Глава 22

Привал

День выдался жаркий. На ночь остановились на бескрайнем песчаном морском пляже, и люди бросились к воде, чтобы снять жар с разогретых за время похода тел. Девушки заходили в воду отдельной группой на небольшом отдалении от мужчин, которые изо всех сил делали вид, что совсем не интересуются девичьими взвизгиваниями и хохотом. У берега море было мелким и теплым, но стоило зайти в воду до пояса, холод схватывал тело железным обручем, поэтому даже привычные к холодной воде мустанумцы плескались на мелководье. Больше всего было слышно звонкий голос Леи. Чтобы лучше видеть, Иво залег в песчаной дюне, присыпал себя нагретым за день золотистым песком, а перед головой для маскировки воткнул в песок несколько зеленых веточек. Такой метод он применял не впервые. Песок прекрасно скрывал запах тела, чуткие бобры, лисы и другие обитатели леса, ничего не подозревая, проходили мимо него по ночам на расстоянии вытянутой руки, и Иво – в отличие от многих других охотников – возвращался в такие ночи с богатой добычей.

Сейчас добычей были обнаженные девушки. Роскошней всех выглядела Лея. Стоя по колено в воде, она медленно наклонялась, открывая взору юноши заманчивые округлости и впадины своего тела, опускала полные руки в воду, набирала ладонями пригоршни воды и так же неспешно омывала ими шею, плечи, проводила ладонями по гордо выступающей груди с хорошо заметными розовыми сосками. Одна из девушек сказала ей что-то смешное, Лея рассмеялась и пошла к берегу. Недалеко от дюны, за которой прятался Иво, она остановилась, подняла с песка полотняную накидку и стала обтираться. Обнаженное женское тело Иво наблюдал не в первый раз, но раньше это были лишь случайно подсмотренные во время купания девушки родного поселка, да и то издали. Но чтобы так, вблизи... Лея провела тканью по груди, обойдя каждый сосок круговым движением, прошлась по чуть припухлому животу, по покрытому золотистым пушком холмику между ног, откинула голову, рассыпав по спине собранные затейливыми косичками волосы, и застыла, наслаждаясь мягкими лучами вечернего солнца. В паху юноши, предательски набухая с не изведанной ранее силой, зашевелился неугомонный зверь и болезненно воткнулся в твердый песок. Едва подавив стон, Иво попытался пошевелиться, чтобы создать свободное пространство для внезапно разросшейся до невероятных размеров части тела, но быстро сообразил, что от движения может осыпаться песок, стоявшая всего в нескольких шагах от него Лея закричит, и он будет покрыт перед соплеменниками несмываемым позором. И еще ладно, если только позором. Иво даже представить не мог, какая кара ожидает человека, посягнувшего на невесту старейшины, а теперь еще и второго по важности человека среди объединенных ливских племен. И что подумает Зигма, впервые вспомнил он о своей недавней страсти. Тело юноши охватило жаром, покрывающий его песок стал казаться невероятно тяжелым, словно его придавило упавшим деревом. Крепко зажмурив глаза, Иво застыл, боясь даже вздохнуть, в голове его словно раздался щелчок, и сознание отключилось.

Когда он вновь открыл глаза, солнце висело над самым горизонтом, Леи с другими девушками и след простыл, но совсем рядом раздавались знакомые голоса. Уго и Вальтер остановились почти на том же месте, где ранее стояла обнаженная невеста, и опустились на песок у подножия дюны. Уго достал из небольшого мешка расчерченную на черно-белые квадраты доску и начал выставлять на нее черные и белые фигурки. Вальтер помогал ему.

– Пешие воины называются пешками. Они размещаются в одну линию впереди основного войска. Королева и король должны быть в центре.

Миннезингер ухватил двумя пальцами фигурку человека в высокой остроконечной шляпе, поставил ее рядом с королевой.

– Это бегун. Такая резвая фигура, которая ходит по диагонали. Иногда его называют епископ. Вроде того, что управляет Ригой. Их по два в каждом войске.

– В Риге остался один. Мой друг Имаутс отрубил голову епископу Бертольду так, что она покатилась по траве, словно шар, – гордо объявил Уго, и Вальтера передернуло.

– Слава богу, в шахматах мы обходимся без крови... Здесь епископы могут перемещаться только по клеткам того цвета, на которые их поставили. И только тогда, когда перед ними открытое пространство. Видишь, в начале игры пешие воины, пешки, стоят впереди всего войска и первыми начинают движение. Только всадник на коне может перескочить через них. Но в прыжке он перемещается на одну клетку вбок.

– Конь может перескочить через воина? И не заденет его копытом?

Вальтер обреченно вздохнул.

– Это не живой конь. Все происходит только в нашем воображении. Перед битвой полководец осматривает поле, где будет происходить сражение, и продумывает, где лучше расставить войска, куда лучше подтянуть башни для штурма крепостных стен, где спрятать конницу, чтобы послать ее на врага в нужный момент. Так и здесь. Представь, что доска – это поле битвы, и ты посылаешь своих воинов в сражение. Но не всех сразу. Ты делаешь один ход, и противник отвечает тебе одним ходом. Оба войска одинаковы. Тебе надо понять, почему противник пошел именно этой фигурой, что он замыслил. Победит тот, кто правильной рассчитает свои ходы. Здесь все, как в жизни. Иногда можно безрассудно кинуться вперед, быстро добраться до короля противника, загнать его в угол и победить. Но иногда надо набраться терпения, может быть, отступить, чтобы сохранить силы и измотать противника, и только потом переходить в атаку.

– Когда я посылаю воина, я знаю, на что способен каждый из них.

– Я объясню тебе, что может каждая фигура. Игра в шахматы это настоящее искусство. Ты поймешь, когда следует запастись терпением и держать оборону, пока не вымотаешь противника, когда лучше отступить, чтобы заманить противника в ловушку или пожертвовать пешкой или даже важной фигурой, чтобы выиграть сражение.

– Ты мало похож на воина, но много знаешь о битвах, – заметил Уго.

– Я знаю, как играть в шахматы. И еще я знаю о музыке и песнях. Но, чтобы сложить песню, надо действительно знать, о чем ты поешь. Рыцари рассказывали мне о своих дамах. Но больше они любили рассказывать о сражениях и мудрых полководцах, о том, как они вовремя выпускали конницу, как разрушали крепостные стены или делали под них подкопы.

– Говорят, Ригу сейчас тоже окружает каменная стена. Разве можно разрушить каменную стену?

– Разрушить можно все. Или почти все. Трудней создать что-то новое. А ты что, хочешь разрушить крепостную стену? Думаю, что даже самых острых мечей и самых метких стрел для этого недостаточно.

– Расскажи мне все, что знаешь о Риге.

– Я могу... – Вальтер внезапно вскочил на ноги и настороженно огляделся. – Мне показалось, что рядом с нами шевелится какой-то большой зверь. Может быть, это медведь?

– Медведь? – быстро поднявшись с песка, Уго взялся за рукоятку топора и настороженно огляделся. – Медведя мы бы уже заметили. Но я уже не так хорошо слышу, как в молодости. Откуда, ты сказал, шел звук?

Глава 23

Соблазн

– Эй, Курт! – потянувшись, Иоганн почесал под мышкой, зацепил ногтем что-то шевелящееся и вытащил на свет божий клопа. Примерившись, он раздавил клопа на стенке, добавив к глинобитной стене кельи еще одно темное пятно. Сон больше не шел. В животе недовольно, словно голодный зверь в клетке, заурчал желудок, напоминая о завтраке. Не проспал ли он утреннюю трапезу, забеспокоился Иоганн. Месяц в монастыре тянулся бесконечно. Никто не запрещал ему выходить в город, но что там делать без пфеннига в кармане? Не гоже ему, потомку великого рода, болтаться по улицам, словно нищему, пялясь на веселящихся бургеров и ломящиеся от товаров лавки. И где его обещанное богатство и слава? Неужели придется томиться подобным образом в монастыре целый год, пока надменный сводный брат Альберт не соблаговолит наконец одарить его своей милостью?

Пока же единственным развлечением были ратные занятия. И, конечно, еда. Аппетит покидал его только, когда место пищи в животе занимал какой-нибудь веселящий напиток, но за последний месяц об этом можно было только мечтать. Сквозь узкое окно-бойницу пробивался луч солнца, но о времени это говорило мало, рассвет в этих краях наступал рано. И обычно Курт, лучше ощущающий бег времени, будил пилигрима в нужный момент.

Не дождавшись ответа, Иоганн поднялся с узкого монашеского ложа. На лежанке Курта, как правило, в отсутствие хозяина аккуратно заправленной, топорщился только ворох серого постельного белья, словно он покидал свое обиталище в спешке. Иоганн с досадой пнул лежанку ногой, и на полу что-то звякнуло. Охваченный любопытством, он опустился на четвереньки и внимательно осмотрел пол. У одной из затянутых паутиной ножек лежанки что-то блеснуло. Склонившись ниже, Иоганн протянул руку и вытащил на свет божий серебряную монету. В этот момент ему показалось, что он слышит приближающиеся шаги. Сжав монету в кулаке, он метнулся обратно к своей постели и натянул на голову одеяло. Сквозь оставленную для обзора щелку он увидел, как Курт вернулся в келью, привычно уже трижды хлопнул в ладоши и провозгласил:

– Время трапезы!

– Что? – Иоганн недовольно поворочался в постели, неспешно потянулся и только тогда открыл глаза. – О дьявол! Зачем ты меня разбудил? Мне снился такой славный сон про смазливую девицу в келлере, и на ней было лишь... да почти ничего!

Курт неловко потоптался на месте и буркнул:

– Лучше бы вы не поминали дьявола всуе. Мы в монастыре, и мы служим по его уставу. Нам не пристало думать о женщинах и выпивке. Если вас услышит декан...

– Он не услышит. Мы здесь с тобой только вдвоем. Ты же не побежишь доносить на меня?

– Я помню свое место, – смиренно опустил глаза Курт. – Я только напоминаю моему господину, что нас могут услышать другие.

– Не переживай. Разве нам не обещано прощение всех наших прегрешений за достойную службу? – Иоганн натянул на плечи тунику, пригладил ладонью пышную шевелюру, капнул из кувшина воду на три подставленных пальца и провел ими под глазами. Теперь он был готов к трапезе. – Кстати, что там нам послал сегодня Господь для поддержания брenneй плоти? Опять кашу?

– Без масла, – сокрушенно вздохнул Курт. – Но с большими ломтями хлеба и даже с малой толикой меда. А насчет индульгенции... Ее еще надо заслужить. Хотя...

Иоганн насторожился. Внимательно наблюдая за действиями и словами Курта, он понемногу успокаивался. Тот и вида не показывал, что у него случилась потеря. Может быть, монета

эта и вовсе не принадлежала каменщику и выскочила из лежанки случайно, после того как Иоганн пнул ее ногой. Монету мог оставить прежний обитатель кельи. А то и не одну. Вдруг там скрывается настоящий тайник? Хорошо бы это проверить, и как можно скорей. Сказаться больным и отказаться от трапезы? Нет, такого как раз делать нельзя. Если монета единственная и Курт ее хватится, он и думать не посмеет на своего господина.

– Что «хотя». Давай, договаривай, раз начал.

– Я только хотел сказать... То есть не хотел, но раз вы настаиваете, а я не должен перечить моему господину. – Курт осторожно выглянул в коридор, убедился, что подслушать их действительно некому, и только тогда повернулся к Иоганну. – В городе, кажется, что-то готовится. Магистр... в общем я, наверное, не должен этого говорить, но ведь и вы тоже не выдадите меня?

– Да говори уже! – начал терять терпение Иоганн. – Что магистр?

– Говорят, горожан будут обучать владению оружием, даже простолюдинов, такого еще не было. Может быть, магистр собирает рыцарей для большого похода и придумал, как сделать, чтобы город не остался без защиты. Но я не знаю, смогу ли пойти в поход с вашей милостью. Сам его преосвященство епископ Альберт распорядился, чтобы я особенно тщательно проверил каждый камень в крепостной стене и немедленно докладывал о каждом упущении лично ему.

– Похоже, ты становишься важным человеком. Поход, говоришь... Это интересно. Ну что же, пойдем завтракать.

Иоганн первым покинул келью и направился по направлению к трапезной, плотно сжимая в кулаке жгущую руку монету.

Глава 24

Лагерь на берегу

– Стойте!

Песок у дюны внезапно зашевелился, и перед изумленными Уго и Вальтером во весь рост предстал молодой лучник.

– Это я, Иво.

– Вижу, что это ты. – Раздосадованный Уго опустил топор и подошел к юноше вплотную. – Что ты здесь делал? Подслушивал?

– Нет! Я ничего не слышал! Это вышло случайно. Я просто лег и заснул. Наверное, во сне меня присыпало песком. А потом я услышал ваши голоса и проснулся. – Отряхивая с себя прилипший песок, Иво на миг застыл и указал на шахматные фигуры. – Но я совсем не слышал, как вы колдовали с этими человечками!

– Колдовали? Это же... – начал было Вальтер, но Уго жестом остановил его.

– Ты не должен был подслушивать. Эти человечки принесут нам победу в бою.

– Я ничего не слышал!

– А твое вмешательство могло нарушить их планы и разгневать Мать сражений. Или самого Перконса.

– Нет! Это вышло случайно. Мне нечего скрывать. Мать солнца знает, что это так, богам не из-за чего сердиться. Я никогда не выдаю секретов, это знает каждый. Я...

Сталкиваясь друг с другом, слова вылетали изо рта Иво быстрее, чем стрелы лучника из Куолки. Вдохнув, Уго опустил на плечо молодого воина тяжелую руку. Тело юноши напряглось. Рука, как бревно, придавливала его так, что, казалось, песок под ногами вот-вот раздастся в стороны и впустит его в себя по самую шею. Или... Вспомнив, как всего несколько дней назад старейшина, не задумываясь, снес голову плененному меченосцу, Иво содрогнулся.

– Ты совершил тяжкий проступок, – сказал Уго. – Но ты хороший воин, и у тебя зоркий глаз. И ты не посрамил Мергеру на состязании в Ире. Я верю тебе. Пусть произошедшее останется между нами.

– Конечно, я...

– И ты крепко спал?

– Именно, – торопливо закивал Иво. Даже рука старейшины на его плече перестала казаться ему такой тяжелой. – Очень крепко.

– Значит, ты хорошо отдохнул. И сможешь заменить вон того стража у кромки леса. Будь внимательней. В эти дни в наших лесах можно встретить немало чужих.

Пряча в густой бороде усмешку, Уго собрал в мешочек раскиданные шахматы. Жреца в Мергере не было, и все ритуальные обряды – похороны, свадьбы, изгнание злых духов, обращения к богам перед выходом в море или на охоту – проводил сам старейшина, и обитатели поселка признавали за ним не только право разбирать спорные вопросы и принимать решения, касающиеся всего поселения, но и некую мистическую силу. Увеличение ее, особенно теперь, в преддверии важной, да не просто важной, а судьбоносной для всех ливов битвы, было очень кстати.

Он отпустил Вальтера и перед сном еще раз обошел стражу. Лагерь раскинулся на открытом пространстве между морем и опушкой леса. Полная луна отчетливо освещала окрестности, подобраться к лагерю незамеченным было бы трудно, особенно теперь, когда оберегать их будет глазастый Иво. Женщин и обоз разместили в шатрах в центре. Ночь выдалась теплой, и окружающие их мужчины спали под открытым небом, не раздеваясь и не расставаясь

с оружием. Перед тем как устраиваться на ночлег, Уго прошелся мимо шатра, где спала Лея, осторожно отодвинув край полога, заглянул внутрь и замер.

Лея сидела в центре шатра полностью обнаженной, как при купании, и две другие невесты из Ире расчесывали ей волосы. Девушки, совершенные в своей первозданной наготе, выглядели как три богини, и Уго не мог оторвать от них взгляда. Увлеченные своим занятием, они тихо нашептывали друг другу какие-то слова и беззвучно смеялись. Одна из них, играя, провела рукой по полной груди Леи, плотно сжала сосок девушки, словно коровье вымя, и тело его невесты подалось вперед. В груди Уго что-то предательски заклокотало, он опустил полог и поспешно зашагал прочь.

Вернувшись к намеченному месту ночлега, он прилег на теплую лошадиную попону и привычно погладил рукоять боевого топора. Обычно в такие моменты он проваливался в сон мгновенно. Это было как переход в помещение без окон с потухшей от неосторожного движения лучиной. Наверное, именно таким будет перемещение в царство ночи, из которого нет возврата. Но сегодня сон обходил его стороной. Непokoйные мысли, сталкиваясь и вытесняя друг друга, перескакивали с одного на другое. Что за ритуал выполняли обнаженные невесты? Как в безветренный день песок мог с головой занести Иво? Как встретит известие о его свадьбе Ева? И еще эта битва за окруженную каменной стеной Ригу. Даже в том простом и привычном ночном бою с германским кораблем Мергера потеряла трех отважных воинов, среди которых был сын Имаутса. А что будет в большом сражении? Одно дело послать группу воинов на беззащитный корабль под покровом темноты и другое – повести за собой целую армию. Не слишком ли он стар для этого? Или для Леи?

Глава 25

Мергера

В Мергеру вошли днем. Дети докучали взрослым, пока не получили долгожданные гостинцы, жены застенчиво дожидались своей очереди. Страсти, подкрепленные известием о предстоящем сражении с германцами, не утихали долго. Только к вечеру Уго удалось остаться в своей комнате одному. Он зажег свечу, бережно развернул дорожный сверток, достал шкатулку и выставил на черно-белых клетках шахматной доски фигуры. При пляшущем пламени тени от фигур постоянно перемещались, и казалось, что каждая из них оживает и нетерпеливо приплясывает в предвкушении предстоящей битвы. Взявшись за одного из воинов с коротким мечом, Уго, как показывал Вальтер, передвинул его в центр. Наверное, это отважный Ано. Или погибший в битве с германцами его старший сын Мар, возвращенный отцу в виде изделия искусного мастера. Навстречу ему выдвинулся лучший воин германцев, и два воина стали лицом к лицу, злобно пожирая друг друга взглядами. Где-то там, за спинами черного германского войска, застыла в ожидании Рига. Мар коротким взмахом меча сразил соперника наповал, и Уго бережно отставил поверженную фигурку в сторону. Вперед с обеих сторон двинулись вездесущие епископы, неровными зигзагами поскакали кони, напористо двинулись стенобитные башни. Разящим оружием скользили по полю сражения королевы, пока черная королева не пала от коварного удара епископа. Постепенно доска пустела. Белое войско теснило черных к краю моря, из-за которого не было возврата. Но и число соратников белого короля, прежде первыми принявших на себя удар противника, таяло с каждым ходом.

С каждым днем он все больше верил в волшебную силу крохотных воинов. В свободное время он играл с Вальтером. Миннезингер обучал его основам тактики и стратегии, объяснял, как устраивать ловушки и как их избегать, как задумывать собственное наступление и разгадывать замыслы противника. В каждой из игр Вальтер неизменно оказывался победителем. Сначала это огорчало Уго. Он замыкался в себе, сердился, в сердцах мог одним движением смести все фигуры с доски. Но постепенно научился относиться к поражениям сдержанней, внимательно вслушиваться в разъяснения Вальтера, осмысливая слова о том, что можно проиграть битву, но выиграть войну. И наоборот. Миннезингер определенно, несмотря на его молодость, был человеком мудрым. Его появление пойдет жителям деревни только на пользу. И Уго уже прикидывал, какую из деревенских невест сосватает Вальтеру.

Но больше всего Уго восхищало, что костяные воины могли сражаться, побеждать, погибать и невредимыми подниматься в новой схватке. С каждым разом шаги их становились более искусственными, атаки уверенными и продуманными.

Перед тем он показал фигурки Имаутсу. Тот долго разглядывал воинов переднего ряда и, наконец, указал на одного из них:

– Это мой сын.

– Откуда ты знаешь? – вздрогнул Уго.

– Знаю. У него одного пальца на правой руке не было, как у этого. Видишь?

И действительно, у крохотной, сжимающей меч руки, в отличие от остальных воинов, одного пальца не хватало.

– Они тоже будут сражаться за нас?

– Они? – не сразу понял Уго.

– Ты теперь большой человек, поведешь войско ливов. Мне уже некого дать в твой отряд, только самого себя. Ты же можешь их призвать? наших ушедших сыновей?

– Мне многих приходится призывать, – уклончиво ответил Уго.

Глава 26

Зара

Иоганн никогда не был обременен большим гардеробом. Вся его поклажа при отбытии из Бремена состояла из двух белых льняных рубаш, коричневых штанов-шоссов на прицепленных к поясу подвязках, ярко-красного шерстяного котта и длиннополого плаща, на который с очевидной завистью поглядывали монахи в грубых суконных рясах. Несмотря на теплую погоду, оставлять плащ в келье ему не хотелось. Выскользнув из епископского подворья, он свернул плащ в плотный, перевязанный тесьмой тюк, спрятал в него кинжал, с которым никогда не расставался, и перекинул тюк через плечо. В таком виде Иоганн мало чем отличался от пестро одетых горожан или гостей города.

После зимнего затишья торговые ряды бурными потоками выплеснулись за пределы сжатого стенами города. Деревянные дома цеплялись друг за друга, словно в страхе, что в одиночку их унесет порывом свежего ветра. Низко надвинув на лоб льняной чепец, Иоганн не спеша перемещался по мало знакомым до сих пор улицам. На выложенной булыжником площади ему показалось, что посреди покидающей церковь группы мелькнула красная мантия Альберта. Чтобы не встретиться со сводным братом прилюдно, он опустил голову, свернул в боковую улочку и, обходя огромную, перегораживающую почти половину улицы бочку, едва не столкнулся с одутловатым мужчиной в монашеской рясе, перепоясанной веревкой.

– Господин ищет улады для души и тела? – тихо произнес монах, смиренно, словно в молитве, скрестив на груди большие волосатые кисти рук.

– Что? – не подавая вида, Иоганн незаметно огляделся, размышляя, как будет проще выхватить кинжал, чтобы странный детина в рясе ничего не заподозрил. Обычно грабители не действовали в одиночку, да еще среди бела дня. И эта странная фраза об уладе души и тела, подкрепленная слащавой улыбкой, делающей бандитскую физиономию монаха с сильно пореженными желтыми зубами и зловонным запахом изо рта особенно омерзительной. Иоганн, как бы разминая плечи, переместил накидку, нащупал рукоятку кинжала и почувствовал себя уверенней.

– Заходите к нам, не пожалеете. У нас есть такое... – монах указал на дубовую, частично приоткрытую дверь, к которой вели убегающие вниз ступеньки. Из-за нее негромко доносилась музыка и струился сладкий запах жареного мяса. Иоганн оглянулся, увидел, как группа, в которой был епископ, поворачивает на эту же улочку, и, уже не раздумывая, шагнул в сторону предлагаемого убежища.

В помещении царил полумрак, с трудом разрываемый несколькими свечами в массивных кованых канделябрах. Кирпичные стены поддерживали низкий, пересекаемый деревянными балками сводчатый потолок. В центре комнаты два музыканта выводили на флейтах веселую мелодию, под которую на плотном песчаном полу выплясывали два существа с человеческими телами и бычьими головами на плечах. Рядом с входом низкорослый волосатый мужичок вращал на огромном вертеле кабанью тушу, наполняя помещение запахом, от которого у Иоганна сразу засосало под ложечкой. Молодой организм, подстегиваемый ежедневными ратными упражнениями, настоятельно напоминал о скудности монашеского питания во время каждой трапезы. Вдоль стен в сумрачных альковах стояли деревянные столы, за которыми скорее угадывались, чем виделись немногочисленные посетители. Даже если Альберт зайдет сюда со всей своей свитой, вряд ли он сможет распознать хоть какое-то лицо.

– Сюда, господин.

Невесть откуда появившаяся женщина в пестром одеянии и богатом наборе металлических обручей на шее и руках ухватила его за рукав и потянула за собой в один из альковок.

Разобрать ее возраст в полумраке было сложно, но голос звучал молодо, женских прикосновений Иоганн с момента прибытия в Ригу ни разу не ощущал и без возражений уселся на указанную незнакомкой скамью за столом, на котором, словно по мановению волшебной палочки, появился кувшин и два кубка.

– Наверное, господин ищет чего-то особенного, – чуть растягивая слова и лукаво улыбаясь, предположила она.

– Для кого-то особенным кажется то, что для другого привычно, – уклончиво ответил он, все еще теряясь в догадках, куда его занесло. Теперь, при свете одинокой свечи, он мог лучше разглядеть женщину. Она была молода и хороша. Низкий вырез платья с трудом сдерживал рвущуюся наружу грудь, кожа была чистой, с единственной родинкой в выемке шеи, черные как ночь глаза сверкали призывно и обещающе.

– Ты здесь впервые, – определила она. – Но ты не случайный странник. Отведай нашего эля. Лучшего нет во всей Риге. Только у нас ты можешь найти все...

– ...для улады души и тела? – закончил он за нее, и женщина негромко рассмеялась.

– А ты не простой человек. Можешь называть меня Зара.

– Ты разбудила мое любопытство, Зара. Такое удастся не многим.

– Ты говоришь, как умудренный опытом человек. Но ты еще совсем молод и не похож на наших обычных посетителей.

– На кого же я похож? Выпьешь со мной?

– Как пожелаешь. – Зара, не церемонясь, пригубила напиток, и Иоганн, опустившись на скамью, сделал из кубка большой глоток. Вкус у эля был отменный, не то что у пойла, которым пилигримов спаивали от щедрот старшего братца на корабле по пути из Бремена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.